

АНДРЕЙ МАКСИМУШКИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

КРАСНЫЙ РЕВАНШ

Реванш

Андрей Максимушкин

Красный реванш

«ЭКСМО»

2006

Максимушкин А.

Красный реванш / А. Максимушкин — «Эксмо»,
2006 — (Реванш)

...Еще недавно под крылом его самолета проплывали афганские горы, а теперь – истерзанная натовскими стервятниками Югославия. Старший лейтенант Сергей Горелов отчетливо понимал, что только ему и его боевым товарищам, советским летчикам, зенитчикам и морякам, по силам защитить братский славянский народ от безжалостной агрессии. И перечеркивали огненные трассы балканское небо, и неслись, кувыряясь, к земле осколки раскаленного металла, еще недавно бывшие сверхсовременными истребителями – чудом заокеанской техники. Да, этого не случилось в нашей реальности, но если бы в 1991 году нашлись силы, способные остановить казавшийся неизбежным распад великой страны, и сохранился единый могучий Советский Союз...

Содержание

1	5
2	9
3	22
4	27
5	36
6	46
7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Владимирович Максимушкин

Красный реванш

В романе использованы стихи В. Высоцкого, Р. Киплинга и группы «Коловрат».

Все описанные в романе события и действующие лица являются вымышленными. Любые совпадения с реальными именами случайны.

1

Солнечный проблеск. 1998 г

Машина шла над облачной пеленой, скрывавшей хребты Гиндукуша. На многие километры во все стороны простиралась только белесая облачная равнина, а над головой ярко светило южное солнце. И прозрачное небо над блистером кабины. Высота девять тысяч. Ни одного постороннего звука, только мерное гудение могучих двигателей, играючи гнавших «Сушку» на сверхзвуке. Старший лейтенант Сергей Горелов не любил облака, в любой момент из проплывающей под крыльями облачной мути могут вырваться огненные стрелы зенитных ракет. И хотя инструкторы постоянно вдавливали Сергею в голову, что приборы засекут пуск гораздо раньше, чем он сможет заметить хищные тела ракет, и в современном бою зрение, в отличие от техники, слишком ненадежный инструмент, чтобы на него полагаться, все равно в душе оставался неприятный осадок.

Пятнадцать минут назад пара «Су-27СК», оторвавшись от бетонки Кабульского аэродрома, взяла курс на восток. Полет проходил нормально, наземные службы четко вели самолеты к цели. Метеорологи гарантировали безоблачную погоду на конечном отрезке пути. А четверка тяжелых перехватчиков «МиГ-31» уже заняла район прикрытия. Операция «Солнечный проблеск» началась без сучка и задоринки, точно по тщательно разработанному плану. Но Сергей все равно ощущал легкий мандраж. Что ни говори, первый боевой вылет, под крыльями самолета боевые ракеты, и противник будет стрелять на поражение, если, конечно, успеет заметить, атаковую пару истребителей. Сергей бросил взгляд на приборы. Мотор тянет хорошо, все системы в норме, керосина в Кабуле залили под завязку, скорость 1900 км/ч, высота 9000. Позади, чуть правее, идет ведомый Витя Чернов. А над Кабулом кружит летающий радар «А-50». «Сушки» шли вслепую, не включая своих радаров, четко следуя радиолучу с самолета ДРЛО. Разумная предосторожность, пусть противник видит только перехватчики, они все равно находятся над территорией Афганистана. Все должно выглядеть как обычная операция по уничтожению очередной банды «непримиримых». До расчетного времени оставалось еще 12 минут. Где-то внизу, скрытые облаками, проносились заснеженные горные хребты и цветущие межгорные долины, глинобитные стены кишлаков, маковые поля, разбитые снарядами и минами дороги.

«Проклятая страна, – думал Сергей, – и на кой фиг мы сюда полезли? Еще никому не удавалось покорить этот дикий край. Одни маразматики ввели войска, потом очередной идиот вывел, и все без толку. Только ребят зря положили. Всего три года назад в Афган вернулись наши советники и представители Внешторга. Иногда перебрасываются самолеты, чтобы снести очередной горный бастион моджахедов, прикрыть операцию правительственных войск, сровнять с землей очередной заводик наркотиков». Сергей помнил, как в 89-м говорили, что Наджибула без наших штыков не продержится и месяц. И ничего, уже девять лет прошло. Держится спокойно, помаленьку газом, хромоникелевыми рудами и фруктами торгует в обмен

на танки и пулеметы. Ковры они неплохие делают, жаль только стоят дорого – ручная работа, эксклюзив, так, кажется, сейчас модно выражаться? Правда, последний год у них напряженка: талибы укрепились в Кандагаре и рвутся к столице, опираясь на базы в Пакистане.

Но ситуация не критическая, в 95-м было хуже. Мало кто знал, что тогда правительство Наджибулы было готово пасть с минуты на минуту, и только вмешательство Советского Союза, подарившего Северному Альянсу Ахмад Шаха и генерала Дустума целых 50 танков и эшелон военного снаряжения в обмен на поддержку Наджибулы, спасло Кабул. Молниеносный рейд таджико-узбекских отрядов заставил талибов отойти к Кандагару. Жаркое было время, веселое. Но и сейчас ситуация далека от идеала. Талибы в Кандагаре, провинция практически отделилась. А в соседнем Пакистане совершенно открыто действуют лагеря подготовки боевиков. И никакие ноты протеста на пакистанцев и на их заокеанских покровителей не действуют. Осталось только одно, самое результативное средство.

Два истребителя, выйдя в расчетную точку, резко пошли на снижение. Пробив облачный слой, они оказались над горной равниной. Система спутниковой навигации и телекамеры автопилотов уверенно вели самолеты на бешеной скорости почти над самой землей, заставляя тяжелые боевые машины буквально обтекать рельеф, не позволяя им подниматься выше ста метров. Горы надежно скрывали «Сушки» от вражеских радаров. Четверка перехватчиков барражировала у пакистанской границы, прикрывая фронт в четыреста километров. В то же время два полка «Грачей» усердно перепахивали базы талибов в районе Кандагара, отвлекая внимание противника на себя. Любой сторонний наблюдатель должен был решить, что «МиГи» подняты только для прикрытия «Грачей» от неожиданной атаки пакистанской авиации, в Союзе помнили, как был сбит штурмовик генерала Руцкого. А далеко на севере в боевой полумесяц разворачивались стратегические ракетноносцы «Ту-95». Операция «Солнечный проблеск» приближалась к кульминации.

Пара истребителей мчалась над равниной. Справа мелькнул и скрылся за крылом маленький городок, скорее даже не город, а большой кишлак. Пару раз Сергей замечал колонны автомобилей. И тут пронзительно заверещала система оповещения: их засекли. На приборной панели высветился красный луч азимута на вражеский радар.

– Грифон, я Сокол-1. Меня видят – Сергей впервые с момента вылета нарушил радиомолчание.

– Сокол, до расчетной точки две минуты, – незамедлительно ответил спокойный уверенный голос Грифона – работаем по плану.

Никто не знал, с каким трудом офицер-наводчик сохранял спокойствие в голосе, не допуская и намек на панику. Нелепая случайность, мало влияющая на исход операции. И действительно, через тридцать секунд невысокая гряда холмов скрыла «Сухих» от вражеского наблюдателя. Моджахеды даже не поняли, что это такое с ревом пронеслось над их головами. А еще через три минуты в район вышло дежурное звено «Су-25» зачистки, гася мобильный комплекс ПВО противорадарными ракетами.

Закладывая лихой вираж, «Су-27СК» вышли в заданную точку. Сергей плавно потянул штурвал на себя, одновременно выжимая газ до упора и включая все боевые системы. Пошел обратный отсчет. Самолеты вошли в заданный квадрат. Еще десять секунд, нежное касание клавиш – и с легким толчком пошли ракеты. Все. Можно возвращаться, дальше автопилоты ракет сами выведут их в заданный район, а радарные головки самонаведения приведут прямо к цели. Почти одновременно поднявшиеся над горной грядой самолеты Горелова и Чернова засекли не меньше полудюжины радаров. Бортовая ЭВМ выделила четкое биение антенн радарного комплекса в Джаваре, на панели вспыхнули тонкие лучи наведения зенитных комплексов и радаров кружившей в полусотне километров пары «Миражей», плюс еще всякая мелочь. Но Сергея это уже не интересовало, машина быстро наращивала скорость, забираясь на спасительную высоту. Перегрузки вдавили пилота в кресло. Впереди голубело прозрачное

южное небо. Пакистанская ПВО успела среагировать на нарушителей, но слишком поздно. Выпущенные вдогонку два «Пэтриота» отвлеклись на ракеты-ловушки, а рванувшиеся было на перехват «Миражи» слишком поздно заметили идущие на них ракеты с «МиГ-31». Летчики не успели даже катапультироваться.

А в это время выпущенные «Сухими» восемь ракет «Х-31» с комбинированными головками самонаведения шли к цели. Высота полета всего сорок метров. На корпусах специальное антирадарное покрытие. Скорость 4000 км/ч. Головки самонаведения бульдожьей хваткой вцепились в четкие сигналы радаров Джавара. Противник пока не видел восьмерку «Х-31». И только когда до цели осталось двадцать километров, чуткие антенны американского производства засекли несущуюся смерть. Двадцать километров – это всего двадцать секунд полета. Мощные компьютеры правильно оценили ситуацию и сработали как надо, передав управляющие сигналы на систему ПВО и выдав точные координаты целей. Но из шести «Фаланксов» объектовой обороны работали только четыре, и то у одного из них была нарушена настройка блока наведения, и автомат бил точно на 27 градусов левее цели. У двух зенитных установок французского производства «Кроталь» не были заряжены ракеты. Еще у одной усердный расчет умудрился закрасить серебряной краской головки самонаведения и, сорвавшись с направляющих, все четыре ракеты ушли точно в сторону солнца. Оставшиеся две установки сработали бы четко, будь у них больше времени... Но времени не было. Только одна русская ракета была сбита «Кроталем», и то лишь потому, что траектория ее полета проходила прямо над зенитным комплексом. Не повезло расчету, осколки взорвавшейся ракеты ударили по пусковой установке. Еще одну ракету разорвал на куски «Фаланкс». Остальные шесть, выписывая в небе хаотичные противозенитные маневры, нашли свои цели. Среди серебристых антенн и белых корпусов радарного комплекса вспыхнули ослепительные огненные шары. К этому времени «Су-27СК» уже вышли из зоны поражения Пакистанской ПВО. Дело было сделано, новейший радарный комплекс, прикрывавший весь северный Пакистан, превратился в груды развалин. Ровно через восемнадцать минут тяжелые ракеты, выпущенные с «Ту-95», обрушились на лагерь подготовки моджахедов, хороня под обломками зданий сотни воинов Аллаха и их пакистанских и американских инструкторов. А еще через две минуты в полукилометре от нефтеперегонного комплекса в Карачи приземлилась индийская ракета «П-15У» с учебной боеголовкой, выпущенная с приблизившегося к берегу катера. Ракета не нанесла никакого ущерба, это была только демонстрация.

Самолеты мчались над сплошной облачной пеленой, далеко внизу проносились древние горные хребты седого Гиндукуша. На душе было необыкновенно легко, хотелось петь. «Солнечный проблеск» завершился удачно, все самолеты возвращались на свои аэродромы. Сергей переключил управление на автопилот, можно было расслабиться. А далеко позади, где-то на юго-востоке, еще бушевали пожары, в огне гибли миллиарды долларов, яростным бушующим пламенем и столбами черного дыма уносились в небо планы свержения дружественного СССР правительства Афганистана.

В президентском дворце Исламабада, прямо перед телеэкраном, с которого шла трансляция совместного заявления лидеров СССР, Индии и Афганистана, застрелился премьер-министр Пакистана Наваз Шариф. Слишком многое было поставлено на карту. Нищая, с полуфеодальной экономикой страна, с напряжением всех сил вытянувшая ядерную программу, потеряла последнюю надежду выправить положение с помощью щедрых долларовых вливаний. После ракетного удара по лагерям подготовки моджахедов и недвусмысленной демонстрации индийцев нелепо было бы рассчитывать на сближение с США. Американцы не будут делать ставку на страну, по которой в любой момент может пройти стальная каток русско-индийских армий. А с другой стороны, в Пакистане в ближайшее время стоило ожидать возвращения выбитых из Афгана талибов. А то, что они вернутся, было понятно даже ишаку.

Наджибула не остановится на достигнутом. Один или с помощью русских он наведет порядок в своем доме. Американцы уже не смогут и не захотят поддерживать пошатнувшееся правительство Шарифа, а значит, в ближайшее время возможен мятеж армии. Политические последствия абсолютно непредсказуемы, а тощий бюджет получит очередное кровопускание. И нет никаких шансов на внешние инвестиции или кредиты.

2

Красный премьер. 1998 г

За окном бронированного «ЗИЛа» стремительно проносились вечерние московские улицы. Водитель уверенно гнал машину по крайней левой полосе, выжимая 100–130 километров в час. Павел Николаевич Шумилов отрешенным взглядом смотрел на спешащих прохожих, проносящиеся мимо машины, яркие неоновые рекламные огни. Все, на сегодня хватит. Заработался. Эх, выбраться бы в Подмоскovie на рыбалку! Поставить палатку, развести костерок. Спокойно засесть с удочкой. Выкинуть этот чертов телефон, отправить по домам охрану и секретарей, а затем под ушницу по маленькой. При этих мыслях Павел Николаевич сладко потянулся. Черт побери! С этими вечными заботами даже за город не съездишь. Когда я последний раз был дома, на родине? Года три прошло, если не больше.

В этот момент машина ощутимо подпрыгнула на выбоине. Нет, все-таки рано брать отпуск – надо завтра позвонить Лужникову, он уже два года обещает перестелить московские улицы каким-то супер-асфальтом, таким, что гарантированно десять лет держится. Вот и поинтересуюсь: как там дела с этим челябинским ноу-хау. Заодно надо напомнить про ремонт в Третьяковке. Машина свернула на Никольскую и с ходу вписалась в сплошной поток автомобилей. Солидные «Мерседесы», спортивные молодежные «Ауди», консервативные «Волги», престижные «ЗИЛы» текли стремительной железной хромированной рекой. Изредка встречались «Лады» и «Москвичи». Взгляд Шумилова задержался на неторопливо ползущем по правой полосе «Фольксвагене-Жуке», видимо, какой-то коллекционер спешит домой похвастаться жене произведенным на коллег впечатлением. «Жук» – это уже не машина в полном понимании этого слова, раритет на колесах. Почти как знаменитая «Эмка». В Москве их всего пять штук.

Как все-таки изменилась столица в последние годы. Исчезли вечные московские гаража-ракушки, пропали километровые очереди за дефицитом. Как грибы после дождя, выросли офисы, магазины, торговые и культурно-развлекательные центры, улицы оделись нарядным праздничным неоном. Центр превратился в одну огромную новостройку. Павел Николаевич с удовольствием вспомнил, как столичный градоначальник три года назад выбивал деньги на превращение известного открытого бассейна в помпезный храм.

«Нет, брат, шалишь. Это тебе не Меченый слабак, я глупостями, болтологией и Перестройками не занимаюсь. МКАД достроил – молодец! Можешь на Манежной торговый центр вырыть. А с „Ветхим жильем“ разберешься – подумаем и о храме». Программа «Ветхое жилье» – это такое болото, что пока первоначальный проект выполнишь, придется все заново начинать. Это работа не на один год. Но ничего, пусть Лужников сначала коммуналки расселит, а там дадим ему бассейн засыпать. Пусть инвесторов привлекает, заставит церковь раскошелиться, нечего на халяву рассчитывать! Из казны больше тридцати миллионов я ему не дам. Да и эти деньги пусть сначала отработает. Премьер хорошо помнил, как Верховный, увидев смету, шепотом выматерился и, глядя прямо в глаза мэра, возмущенно пробасил: «Да это же новенькая АЭС или три дока для авианосцев. Подождет!».

И ждет. Сейчас на Манежной два строительных треста круглые сутки подряд без выходных работают. Уже к перекрытиям приступают. Обещают осенью сдать по ключ. Нет, умеет Лужников работать и город любит. Быть ему градоначальником до пенсии, а то и дольше, благо новые законы позволяют. Таких людей надо ценить, хвалить, но воли много им не давать. А то будет, как с памятником Петру, который сначала с великим шумом и помпой открыли, а на следующий день спавший с лица мэр чуть ли не на коленях уговаривал Верховного не взрывать этого монстра. Обошлось, правда, скульптору пришлось срочно эмигрировать в Америку.

– Саша, – Шумилов тронул за плечо водителя – тормозни вон у того магазина.

– За покупками, Павел Николаевич?

– Да, жена просила заехать.

Телохранитель на переднем сиденье бросил в рацию пару коротких фраз и невозмутимо поправил плечевую кобуру. Охрана и водители кремлевского гаража давно привыкли к этой маленькой причуде председателя Совета Министров СССР (на западный манер премьер-министра) – лично ходить по продуктовым магазинам. Те, что постарше, говорили, будто Шумилов специально пересчитывает выложенные на прилавок колбасы, и если их меньше пятнадцати сортов, владелец магазина на следующее утро теряет договор аренды. Павел Николаевич только усмехался, пусть судачат. Главное, чтоб службу несли. Он помнил, что в годы Перестройки колбаса была двух сортов: вареная и полукопченая. Если, конечно, не считать ливерную. И то не везде. Но секрет ливерной колбасы был утерян во время переворота 91-го года. Говорят – к счастью.

Эх, если бы не та пьянка восемь лет назад. Так бы и остался Шумилов простым профессором экономики провинциального политеха. Катался бы на пролетарской «девятке». Жил бы в обычной трехкомнатной квартирке на окраине, а не в элитной восьмикомнатной квартире в сталинской высотке. Учил бы студентов основам экономического мышления. Жизнь была бы проще и легче. Во всяком случае, ежегодный отпуск был гарантирован. Но у жизни свои причуды. Собравшиеся на кухне в памятном 90-м году под Новый Год в небольшом городке генерал-майор, профессор экономики, полковник КГБ и директор растворобетонного завода под обильную выпивку затеяли спор (сейчас уже никто не помнит, о чем) и после второй бутылки дошли до идеи государственного переворота. И самое интересное, смогли его осуществить. Это только потом стало ясно, что не они одни задумывались над этим интересным делом. А в горячем августе 91-го, когда армейский спецназ брал дачу в Фаросе, по всей стране комитетчики с азартом арестовывали своих продавшихся перестроечникам и западным «друзьям» коллег, а в Балашихе спешно подтянутые части блокировали дивизию имени Дзержинского. Шумилову было страшно. Тогда пришлось спешно изолировать не только старое правительство, но и опереточное, неведомо откуда вылезшее ГКЧП, а заодно охлаждать пожарными брандспойтами разгоряченных депутатов, докатившихся до официального расформирования Союза. В те памятные дни, когда они объявили о перевороте, у Павла Николаевича поджилки тряслись, да и генерал Бугров сохранял уверенный вид на пресс-конференции только благодаря хорошему молдавскому коньяку. С тех пор Арсений Степанович не пил ничего крепче красного вина. Говорит: все, что крепче пятнадцати градусов, заставляет вспоминать переворот. Как давно это было...

Спешившие по своим делам прохожие не обращали внимания на припарковавшиеся прямо у магазина «Гаринский» черный «членовоз» и старенькую бежевую «Волгу». После того как «ЗИЛ» выбросил эту модель на рынок, среди «новых русских» стало модным ездить на машине «как у Брежнева». Вышедшие из «членовоза» двое так же не привлекли к себе внимание вечно занятых москвичей. Лысеющий невысокий полноватый мужчина неопределенного возраста в дорогом костюме, сшитом на заказ, и широкоплечий «славянский шкаф» с короткой стрижкой ежиком в черных очках и черном кожаном плаще до пят. Банкир и телохранитель. Обычное явление в центре Москвы. Двое молодых людей, выбравшихся из «Волги», мгновенно затерялись среди спешащих горожан. Никто и подумать не мог, что у «Волги» форсированный мотор, усиленные подвеска и трансмиссия, а кузову специально придан «потертый» вид.

Магазин оказался элитным, что поделаешь: престижный район, бешеная аренда. Павел Николаевич вспомнил, как четыре года назад по всем СМИ прокатилась история одного предпринимателя, буквально за копейки скупившего целых два квартала в самом центре Москвы. Дело могло выгореть, все заинтересованные лица были прикормлены махинатором, но, как это часто бывает, подвела жадность. Бизнесмен начал силой выселять людей из домов. После первых заявлений в милицию делом занялся ОБХСС, и завертелось. Сам предприниматель, то ли

Осиновский, то ли Березанский, личность неординарная, доктор математических наук, решивший таким образом подзаработать, получил десять лет с конфискацией, многие причастные лишились теплых кресел. Несколько чиновников перешли на государственное содержание в местах, увы, отдаленных. Газеты подняли скандал, дело было взято на личный контроль министром внутренних дел, никому из замешанных не удалось отвертеться. Впрочем у истории был относительно счастливый конец. Председатель Верховного Совета СССР заинтересовался личностью этого махинатора, уж больно смелая была операция, и после того как стихла шумиха, вытащил этого Осиновского из лагеря и отправил в Фергану курировать закупки хлопка. Как тогда выразился Арсений Степанович: «Пусть вор за ворами следит». Средняя Азия была болыным местом для Бугрова. Взяточничество и протекционизм впитывались местными чиновниками с молоком матери. Даже в Закавказье дела обстояли не в пример лучше. После знаменитого хлопкового дела Бугров, придя к власти и укрепив свои позиции, первым делом поменял всех среднеазиатских чиновников от мэров и выше, но это ничего не изменило.

Размышляя о делах минувших, Шумилов быстро наполнил корзину продуктами, благо выбор был хороший. Не только парная вырезка по шестнадцать рублей за килограмм и крокодилье филе по двадцать пять или французский сыр с плесенью, но и приличная постная говядина по вполне доступной цене. «А колбасы сортов 30–40» – усмехнулся про себя Павел Николаевич, искоса наблюдая за своей охраной. В винном отделе он рассеянно окинул взглядом разнокалиберные бутылки с напитками со всего света и выбрал недорогое грузинское «Киндзмараули». Отстояв очередь в кассу и расплатившись, Шумилов неторопливо направился к машине, прикупив по пути пару вечерних газет. Он любил просто так ходить по улицам, никем не узнанный, среди простых москвичей, слушать разговоры в магазинах, читать газеты на скамейке парка. У каждого свои слабости и радости. Верховному даже это недоступно – шеф охраны категорически запрещает.

В тот момент, когда премьер выходил из магазина, на улице разыгралась интересная сцена. Естественно, Саша припарковался прямо под знаком «Остановка запрещена», а «Волга» вообще расположилась на пешеходной зебре. Проезжавший мимо гаишник не мог упустить такую возможность сшибить червонец. Неторопливо, с чувством собственной значительности приблизившись к нарушителю, старлей вежливо постучал жезлом по крыше «ЗИЛа». Все было понятно без слов: нарушаем, гражданин, документики, пожалуйста. Но дальнейшие события явно пошли не по плану. Вместо униженно протянутых прав с вожденным червонцем между страницами, у лимузина плавно опустилось окно, и прямо в лицо инспектора уткнулось удостоверение сотрудника Управления правительственной охраны. Слегка опешив, старший лейтенант, козырнув, вежливо извинился и направился к стоявшей рядом «Волге». На его лице явно читалось желание оторваться на нарушителе по полной программе. Но и тут не повезло, приблизившись к машине, он узрел перед своим носом точно такое же удостоверение. Инспектор ГАИ прекрасно владел своим лицом, ну не получилось и ладно, но при виде вышедшего из магазина человека с двумя пакетами в руке и до удивления знакомым лицом челюсть старлея медленно поползла вниз.

– Да я его только вчера по телевизору видел! – поделился он своим открытием с неведомо как оказавшимся рядом длинноволосым студентом в джинсовой куртке и кроссовках.

– Бывает – ответил студент и, панибратски похлопав гаишника по плечу, запрыгнул в правительственную «Волгу».

Только сейчас старлей понял, что оттопыривалось под курткой у «студента» и почему он держал правую руку в кармане.

– Паша, ты завтра вечером когда вернешься домой? – из коридора донесся голос Марины – сейчас Катя звонила, предлагает смотаться на мюзикл. Она будет с мужем.

– Милая, не могу, – Павел Николаевич с тяжелым вздохом оторвался от газеты. И когда это Каткин муж, министр энергетики Алексей Петрович Казанцев, находит время на музыкы? – Давайте сходите без меня.

– Как это без тебя? Все с мужьями, как белые люди! А мне что, с любовником идти? Ты у меня совсем от рук отбился, – безапелляционно добавила супруга, врываясь в кабинет. – В отпуске не бываешь, детьми интересуешься от случая к случаю, в театры жену не водишь, одна работа на уме! Я уже не помню, когда последний раз была в ресторане.

– А банкет в Кремле девятого мая? – попытался отбиться от Марины Шумилов.

– Что твой банкет, одни перешептывания с дипломатами, и не дай боже нарушить регламент. И шампанское было кислым, – капризно добавила Марина, задумчиво разглядывая стоящую рядом с монитором бутылку «Киндзмараули».

– Ну, дорогая, чувствуется твой неистребимый провинциальный вкус. – Павел Николаевич не любил оправдываться и быстро перешел в наступление. – Это была «Вдова Клико» прямо из Франции. А того нигера, с которым ты обсуждала достоинства омаров, зовут Джеймс Форсайт, он исполнительный директор «Крайслер Корпорэйшн».

– Блин, и не обязана я помнить всех твоих африканских друзей с пальм, и зачем я вышла замуж за премьера? – с чувством добавила Марина, отнимая у мужа газету.

– Тогда я еще не был премьером – напомнил Павел Николаевич, ловко выдергивая свежий номер «Московского комсомольца» из пальцев супруги.

– Ну да, молодым аспирантом, и таким ты мне нравился больше – неожиданно заявила Марина, возвращая себе газету.

– Ну, женушка, я действительно чертовски занят, мне еще до утра работать и работать. Подожди хотя бы пару часов.

– Ладно, работай, трудоголик ты мой золотой, только с вином не перебарщивай. – Проведя рукой по волосам мужа, Марина упорхнула из кабинета. Она уже давно привыкла к такой жизни. Павел мог прийти домой поздно ночью или вообще остаться на работе, а дома частенько засиживался в кабинете допоздна. Даже свой личный бизнес отнимал у Марины Шумиловой на порядок меньше времени, чем служба у мужа. А Марина, к слову сказать, владела крупной строительной фирмой. Если муж председатель Совета Министров, получить жирный госзаказ или выиграть тендер несложно.

Отвязавшись от жены, Павел Николаевич неторопливо выпил фужер вина, с тяжелым вздохом извлек из-под стола свой рабочий портфель. И, тихо матерясь, выложил бумаги на стол. До утра надо было ознакомиться с подборкой материалов по Югославии. Завтра состоится внеочередное совещание Совета Безопасности, а через месяц намечается визит Слободана Милошевича в Москву – необходимо встретить союзника «во всеоружии», заранее определиться со своими интересами и грамотно расставить акценты на переговорах. Разумеется, общие контуры встречи известны заранее, но всегда может появиться какой-нибудь неприятный момент, способный отправить коту под хвост все предварительные договоренности. От этой встречи слишком многое зависит, чтобы полагаться на случай. Балканская политика сейчас напоминает работу сапера. Одно неосторожное движение, и грохнет так, что мало не покажется. На кону стоят сотни миллиардов рублей и перспектива союза со стремительно объединяющейся Европой. Самое главное для Советского Союза сейчас – удержаться на Балканах. А сербы помнят добро.

Единственное, чего не понимал Павел Николаевич, так это зачем ему вникать во все подробности дела. Как будто в стране мало специалистов. Один МИД чего стоит. Именно на совести нового министра иностранных дел проблема вступления в НАТО стран центральной Европы. И, похоже, дело затянется надолго. Вроде бы все соглашения подписаны, brave Рембо готовы хоть завтра занять базы новых союзников, но тут же волшебным образом возникают новые обстоятельства, откладывающие прием новых членов в НАТО. Разумеется, все эти

Венгрии, Польши, Чехии и Румынии спят и видят себя под крылом дяди Сэма, но, оказывается, сначала им надо вернуть старые долги Союзу. Или хотя бы определиться с суммой долга, а наш МИД к тому времени еще парочку счетов выставит, или независимая пресса устроит скандал с разоблачением очередного проворовавшегося политика. Да еще постоянно территориальные вопросы возникают. Только этой весной СССР выступил инициатором возвращения Германии Познани и Поморья. Ничего путного из этого, естественно, не вышло. Но зато немцы смотрят на поляков, как на смертельных врагов. А то, что поляки сожгли в Варшаве чучело Арсения Бугрова, так это только смех один. Ничего серьезного они не могут, должны всем: и СССР, и Германии, и Штатам, и МВФ. И своей промышленности у Польши уже не осталось, разворовали.

А у председателя Совета Министров и без Косово дел невпроворот. Бюджет на следующий год подсчитать надо, Донбасс реструктурировать, причем так, чтобы всем горнякам с закрываемых шахт работу предоставить, для авиапромышленности 25 миллиардов капиталовложений найти надо, структуру государственного управления реформировать. К отопительному сезону подготовиться. И еще десятки больших и малых дел. А тут еще Арсений Степанович Балканы подкидывает. Нет, он у нас Верховный, пусть сам внешнюю политику курирует.

«Краткая подборка» представляла собой пухлую пачку бумаг, страниц эдак на сто пятьдесят-двести. Еще раз помянув недобрым словом аналитиков, Шумилов погрузился в чтение.

Институт региональных исследований

16.07.1998 г.

«В текущий политический момент СРЮ занимает уникальную позицию на международной арене, являясь единственным экономически и политически независимым европейским государством. Что не может долго продолжаться. Ориентация правительства Союзной Республики Югославия на социалистическую экономику, важное геополитическое положение и относительно высокий экономический потенциал Югославии делают невозможной всякую попытку проведения руководством страны независимой политики. Во всяком случае, интерес ведущих ТНК США и Западной Европы превышает „критический“ уровень. Поэтому следует ожидать втягивания Союзной Республики Югославия в сферу интересов Европейского Союза...

Необходимо обратить внимание на резкий тон политиков США, Великобритании, Германии и Франции и контролируемого ими ОБСЕ по вопросу Косово. Жесткая бескомпромиссная политика Милошевича по усмирению албанских сепаратистов может стать поводом для вмешательства во внутренние дела СРЮ вплоть до прямой агрессии. Показательными являются недавние обвинения Гаагского трибунала в адрес Милошевича и офицеров Югославской армии.

Несмотря на торговое эмбарго и конфликт, в крае Косово наблюдается устойчивый рост ВВП. За прошлый год рост составил 5–7 % по оценкам независимых аналитиков. Благодаря торговому эмбарго торговый баланс между СССР и СРЮ с начала года составил 96 миллиардов рублей. Прямые инвестиции советских корпораций в экономику СРЮ приблизительно оцениваются в 35 миллиардов рублей. Точные финансовые выкладки будут сведены Внешторгом в один реестр только в декабре. К примеру: «Норильск-Никель» вкладывает значительные средства в разработку свинцово-цинкового месторождения Трепичи. Черноморское пароходство в настоящее время обеспечивает более 80 % всех грузоперевозок по Дунаю между СССР и СРЮ. Кроме того, в свете последних заявлений НАТО, следует ожидать срочных военных заказов ориентировочно на сумму до 27 миллиардов рублей или 5 миллиардов долларов.

Внутренняя политическая ситуация в Югославии характеризуется обострением отношений между Белградом и Подгорицей. Налицо значительные разногласия руководства Черно-

рии с правительством Слободана Милошевича. В первую очередь – по внешнеполитическим вопросам.

Следует обратить внимание на тот факт, что активное нарушение эмбарго СССР, Сирией и Испанией крайне негативно оценивается ведущими европейскими корпорациями, вынужденными нести убытки из-за политики своих правительств. Прямые убытки от эмбарго оцениваются в 30–40 миллиардов долларов ежегодно. Европейский Союз крайне заинтересован в скорейшем разрешении Балканского кризиса любыми средствами, желательной является смена правительства Милошевича на более либеральное и ориентированное на Запад. Следствием является усиление военного, экономического и политического давления на Республику Югославия. Так, к примеру, проводка торгового каравана в Адриатике 4–8 июня 1998 года проходила в условиях сильного противодействия 6-го флота США. Для обеспечения прохождения 28 транспортных судов было привлечено 8 кораблей Средиземноморской эскадры СССР. Так же отмечена резко возросшая активность албанских боевиков в Косово. На этом фоне прозвучало заявление МВФ о готовности предоставить Югославии кредит до 20 миллиардов долларов под либерально-экономические реформы страны.

Аналитическая записка ГРУ

11.07.98 г.

В настоящее время численность Югославской армии составляет 120 тысяч человек. Общий уровень подготовки личного состава и офицеров оценивается как хороший. На вооружении имеются около 300 танков и 500 бронетранспортеров и БМП. Артиллерия, большей частью буксируемая, представлена орудиями калибра 85–120 мм. Мобильные противотанковые средства в целом незначительны и представлены устаревшими гранатометами, большей частью советского производства, но с учетом особенностей театра военных действий достаточны для условий локального конфликта и антитеррористических операций в Косово. На вооружении ВВС стоят истребители «МиГ-29СМ» – 26 самолетов, 48 «МиГ-21бис» и «МиГ-21МФ». Машины «МиГ-29СМ» прошли модернизацию в 1996–1998 году, оснащены современным навигационным и прицельным оборудованием и средствами РЭБ. В состав вооружения входят авиационные ракеты «Р-27» и «Р-73», ракеты «воздух-земля» разных типов, неуправляемые бомбы, кассетные боеприпасы. Имеющиеся на вооружении «МиГ-21» в настоящее время морально и технически устарели. Радиолокационное оборудование не позволяет использование этих самолетов самостоятельно без прикрытия. Возможно эпизодическое применение в качестве наводимых с земли перехватчиков. В состав ВВС Югославии входят также штурмовые эскадрильи с 32 самолетами «J-22 Orao» и 18 самолетами «G-4 Super Galeb», и две разведывательные эскадрильи с 20 самолетами «J-22 Orao» и 18 самолетами «МиГ-21Р». Штурмовики югославского производства являются легкими машинами, предназначенными для нанесения ударов по объектам в ближнем тылу противника. Могут применяться для непосредственной поддержки войск на поле боя. Кроме того, имеется 20 вертолетов «Ми-24».

Средства ПВО имеют на вооружении 6 отдельных дивизионов ЗРК «С-75 Двина» (40 ПУ), 14 дивизионов ЗРК «С-125М Печора» (60 ПУ) и в составе армейских корпусов пять полков ЗРК «2К12 Квадрат» (74 ПУ). Кроме того, на вооружении армии имеются ПЗРК «Стрела-2» и «Игла» и ствольная зенитная артиллерия до 1800 единиц разных калибров.

В целом оснащение ПВО является устаревшим и не способно противостоять современным средствам воздушного нападения. Наиболее совершенными являются системы средней дальности «Квадрат», получившие новые головки самонаведения, БЧ и взрыватели для ракет 9МЗ...

Павел Николаевич перевернул страницу и потянулся за маркером. Он и раньше понимал, что Бугров планирует полностью прикрыть Югославию от НАТО, но прочитанные документы не давали повода для оптимизма. Самым лучшим выходом из сложившейся ситуации был бы ввод в Югославию советских миротворцев под мандатом ООН. Но все прекрасно понимали, что Милошевич не согласится с таким вариантом. Сербь слишком ценили свою независимость, кроме того, есть еще Черногория, готовая в любой момент выйти из федерации. Оставалось только спешно оснащать союзника современным оружием и играть на разногласиях между Европой и США. А это опять деньги, много денег. Шумилов прекрасно понимал, что Югославия просто не потянет многомиллиардную программу перевооружения армии. Придется самим вкладывать средства, причем окупятся они не скоро. Черт побери! А ему только сегодня принесли проект приобретения контрольного пакета корпорации «Samsung». Значит, он будет вынужден опять обратиться к фондам Центробанка. А они не бездонные.

И бросать сербов нельзя. Самим дороже выйдет. Отложив в сторону бумаги, Шумилов взял телефон и набрал домашний номер председателя Центробанка. Пропали оно все пропадом!

– Господа-товарищи, начнем, – Верховный окинул взглядом собравшихся за столом членов Совета Безопасности и пододвинул к себе чистый лист бумаги. – Думаю, все в курсе, зачем мы сегодня собрались. Так что приступим.

Павел Николаевич, делая вид, будто изучает документы, украдкой наблюдал за присутствующими. Обычно опытный человек мог уже по именам приглашенных на заседание Совета определить не только основной вопрос повестки дня, но и то, каким способом будет решаться проблема. Но сегодня даже Шумилов не мог бы сказать ничего конкретного, слишком пестрым был состав приглашенных. Видимо, решение по Косовской проблеме еще не выработано. Присутствовали все постоянные члены Совета Безопасности. Разумеется, напротив Верховного сидел бессменный председатель СБ Борис Старо, занимавший этот пост с февраля 95-го года. Именно тогда министр внутренних дел, переживший еще ГКЧП, был приглашен в Верховный Совет СССР на должность куратора силовых ведомств.

Громоздкая система управления СССР была платой за удачный переворот августа 91-го. Тогда не было времени для создания новой вертикали власти, пришлось спешно приспособливать старую систему, навешивая на обветшалый костяк новые комитеты и ведомства. Разумеется, со временем партийные структуры были интегрированы в новую структуру управления, но на местах, в республиках, еще сохранялись такие атавизмы, как первые секретари комитетов разного уровня, органично и не очень вписывавшиеся в местные Советы народных депутатов. У Кремля просто не доходили руки до полного реформирования системы. Требовалось сначала подготовить реформы, скрупулезно все просчитать, а затем уже приступать к делу. Еще год, минимум, на подготовку, а затем можно сократить Кабинет министров за счет укрупнения министерств, избавиться от лишних, только мешающих структур и органов. Потом можно одним махом переименовать все автономии и округа в области и районы, одновременно стандартизировав структуры местной власти. А затем, уже на последнем этапе, что-то делать с республиками. Пока в Верховном Совете не было единого мнения по этому поводу. Но, с другой стороны, никто не хотел повторения ситуации с Прибалтикой во время Перестройки. Но это потом, а сейчас перед правительством стояли более серьезные и не терпящие отлагательств проблемы.

Сегодня на совещании присутствовал министр обороны маршал Семенов, старый ракетчик, всю жизнь прослуживший в Ракетных Войсках Стратегического Назначения. Несмотря на возраст, маршал разумно вел дела в своем ведомстве, умудряясь быть в курсе всех последних технических и организационных новинок, чуть ли не каждый день подкидываемых разработчиками Генштаба и военных заводов. Рядом с Павлом Николаевичем сидел «главный мент»,

старый соратник Шумилова и Бугрова еще по перевороту, Владимир Петрович Строгов. Сразу после событий августа 91-го он возглавил КГБ, но в 95-м передал пост заместителю и ушел в МВД, как он сам выразился: «проводить зачистку». Строгов, к удивлению окружающих, никогда не рвался на первые места и категорически отказался от предложения войти в Верховный Совет. Чистка в милиции шла до сих пор, конца и края не было видно, но Владимир Петрович не унывал и неумолимо раскручивал все новые и новые дела о милицейской коррупции. К слову сказать, за время его работы в МВД сильно выросла зарплата сотрудников органов, а авторитет милиции и самого Строгова вознесся до немыслимых высот.

Разумеется, присутствовал и Председатель КГБ Трубачев Вячеслав Иванович, высокий худощавый генерал с аристократическим профилем, почти всю жизнь проработавший во внешней разведке. Рядом с гэбистом расположился министр иностранных дел Антон Васильевич Рычков, недавно назначенный на эту должность, но уже зарекомендовавший себя настойчивым, бескомпромиссным, но недостаточно гибким дипломатом. В условиях Советского Союза это не считалось недостатком. Гораздо важнее было умение до последнего отстаивать свои позиции, а Антон Васильевич это умел. В МИДе шутили, что в Рычкове воплотились одновременно души Вячеслава Молотова и Андрея Громыко. Сам Антон Васильевич к этим шуткам относился снисходительно и на всех переговорах доводил партнеров до истерики своей способностью раз за разом повторять одно и то же, когда дело касалось Советского Союза, и на ходу придумывать все новые и новые аргументы и причины, когда вопрос касался политических соперников. Кроме постоянных членов СБ, присутствовал министр финансов Виктор Герасимов, прозванный сослуживцами за профессионализм и непотопляемость на политическом Олимпе Гераклом, а рядом с маршалом Семеновым, как эсминцы в эскорте авианосца, расположились главком флота адмирал Кондратенко и главком авиации маршал Андреев.

– Если говорить о Балканах, – первым взял слово Рычков, – то мы практически исчерпали свои дипломатические ресурсы. Все наши усилия сконцентрированы на странах Центральной Европы. А после удара по Пакистану мы практически держим оборону и ближайший год не в состоянии сильно влиять на Европу.

– Вы хотите отойти от решения проблемы?

– Нет, Арсений Степанович, – Рычков с легкой улыбкой на губах выдержал тяжелый взгляд Верховного – я хочу сказать, что не стоит возлагать особых надежд на мое ведомство. У нас практически не осталось рычагов воздействия на европейский курятник, особенно на Балканах.

– Господа, рычаги у нас имеются, – вмешался Герасимов, – может, я мало чего понимаю в политике, но мои эксперты обращают внимание на европейскую валюту. Как известно, ЕС в ближайшее время планирует ввести безликий евро. А это очень серьезно.

– А при чем здесь Балканы? – поинтересовался Семенов.

– А при том, уважаемый Игорь Дмитриевич, что уже сейчас отмечается повышенная инвестиционная привлекательность европейских валют. Не забывайте, что за будущей единой валютой стоит экономический потенциал таких стран как Германия, Франция, Италия. Эксперты прогнозируют, что уже в начале весны начнется активное перетекание капиталов в Европу. А значит, высвободится несколько триллионов долларовой массы. Повторяю, абсолютно ничем не обеспеченных, спекулятивных дутых долларов. США не могут это позволить, для них появление второй сильной наднациональной валюты равноценно экономическому коллапсу. Обращает на себя внимание и экономический кризис, обваливший рынки Малайзии, Филиппин, Гонконга и Китая. Мы прогнозируем, что не позже чем через месяц произойдет обвал на фондовых рынках США. В условиях кризиса политика Штатов непредсказуема, они вполне могут попытаться выправить экономику за счет политики.

– Я читал меморандум Центробанка, – нарушил молчание Павел Николаевич. Он еще ночью успел оценить меморандум. Ничего не скажешь, сильная вещь. Идея показалась ему реальной: – В октябре у меня встреча с Гельмутом Колем. Я думаю, что смогу на него повлиять.

– Нет, не получится, – холодно заметил Трубачев, – сейчас НАТО на пике своего расцвета: победа в «холодной войне», распад Варшавского договора, Ирак, потенциальное расширение на восток, контроль над Персидским заливом. Немцы не пойдут против общей политики блока. К тому же у них свои интересы в Югославии. Значительное число беженцев-албанцев негативно влияет на криминогенную обстановку в Германии, Колю требуется как можно скорее остановить приток беженцев и отправить их всех домой в Косово. Угроза мирового финансового кризиса требует увеличения госзаказа, а делать это лучше за счет военных расходов. Падение курса евровалют во время войны на Балканах пока чисто гипотетическое. В ЕС слишком оптимистические планы на будущее. Мнения сербов, как обычно, никто не спрашивает.

– У вас есть конкретные предложения? Не стоит забывать, что Югославия наш последний союзник в Европе, мы обязаны защитить Белград, – с нажимом произнес Арсений Степанович.

– Разрешите? – уловив момент, взял слово главнокомандующий авиацией. Семенов молча кивнул, сегодня военные выступали с единым планом.

– Югославская армия способна отбить нападение любого из своих соседей, способна взять под контроль всю территорию Большой Югославии, но не продержится и недели против массированного воздушного наступления НАТО.

– Да, да, – добавил он, отвечая на немой вопрос, застывший в глазах штатских министров – ВВС у сербов практически нет. Две дюжины «МиГ-29», полсотни «МиГ-21» и четыре десятка легких штурмовиков. Они даже не смогут защитить свои аэродромы. Наземная ПВО представлена пятью полками устаревших «Кубов», добавлю: у нас они уже снимаются с вооружения. Имеются еще морально устаревшие «вьетнамские» системы «С-75» и «С-125» и некоторое количество комплексов ближнего боя. Все это хозяйство малоэффективно при сильном радиоэлектронном противодействии и очень уязвимо для противозенитных средств НАТО. Мы считаем, что противник, потеряв 20–30 самолетов, уничтожит югославские ПВО и ВВС и будет методично бомбить страну, пока Милошевич не запросит пощады.

– А наземная стадия?

– Для этого есть албанцы-косовары, их много, потери можно не считать. И даже если сербы их раздавят, в общем плане это ничего не изменит. Следует добавить, что бомбежки полностью уничтожат экономику и транспортную инфраструктуру страны, парализуют армию. Я даю примерно месяц на вбивание Сербии в каменный век.

– Печально, – заметил Председатель КГБ, – ООН сейчас практически сошла со сцены и ничего не решает в политическом плане. А мы не можем открыто ввести войска в Югославию, придется действовать косвенными и полуофициальными методами. У меня для вас еще одна плохая новость: Клинтону скоро потребуется победоносная война.

– Что? Так плохо? Но в экономике он же добился успехов? Или вы ожидаете, что кризис слишком сильно ударит по уровню жизни американцев? – вытаращил глаза Герасимов.

– Он не устраивает определенные круги в Штатах, снижение оборонного заказа многих обидело, – выдержав паузу, невозмутимо продолжил Трубачев. – Точно не знаю, но по некоторым источникам ему собираются подложить большую свинью. Возможно, вдобавок к скандалу с Моникой, ему припишут изнасилование пожилой негритянки.

Когда стихли раскаты громкого хохота, Верховный медленно поднялся со стула.

– Все, посмеялись и будет. Насколько я понял, вторжение неизбежно. Следует помочь братьям-славянам достойно встретить НАТОсов.

– Подождите, у нас остались мирные рычаги давления – Шумилов, откинувшись на спинку стула, пристально смотрел на Арсения Степановича. – Мы можем воздействовать на

Евросоюз. Наш друг Арафат может устроить в конце года хорошую шумиху в Израиле. Мы можем надавить через ООН. Да и просто можно же договориться, решить вопрос миром.

– Не получится, к сожалению, не получится, Павел Николаевич. Янкесы не могут отступить, это их шанс на мировое господство и сохранение военного присутствия в Европе, а сама Европа послушно пойдет у них на поводу. Пока что пойдет. Вячеслав Иванович совершенно правильно заметил, что в Штатах недовольны Клинтоном, американцам нужна маленькая победоносная война в Европе, и ничего тут не изменить.

– То есть остается только помогать оружием?

– Придется.

– А сам факт нашей поддержки Сербии?

– Это ожидаемый фактор, думаю, они уже его учли в своих расчетах. Нам следует ожидать встречных демаршей, вплоть до угрозы эмбарго.

– Но от эмбарго в первую очередь пострадают европейцы – заметил доселе молчавший Рычков.

– Естественно, – заметил Трубачев, – товарищ Герасимов уже сказал, что противник собирается нанести косвенный удар по евро. Сама угроза эмбарго обрушит курс марки и, следовательно, повлияет на евро. Нам выгодна сильная независимая Европа, а противнику нет.

– Хорошо, давайте решать. Виктор Александрович, сколько мы можем потратить до конца года?

– 20 миллиардов свободно, – быстро ответил Герасимов, видимо, он был заранее готов к такой постановке вопроса, – и еще столько же в первом квартале 99-го. Если наши генералы не ошибутся с прогнозом на ход войны, мы компенсируем расходы только за счет биржевой игры.

– Со своей стороны добавлю, – взял слово председатель КГБ, – Югославия может потратить на оружие 10–15 миллиардов рублей единым платежом и выплатить по кредитной линии еще 50–70 в течение десяти лет.

– Это хорошо, от этих цифр прошу и танцевать. Сколько и чего мы должны поставить сербам?

– Этого нам хватит, – быстро ответил Андреев, бросив короткий взгляд на Семенова, – мы можем в течение четырех месяцев построить гибкую эшелонированную систему ПВО, способную действовать против самых современных средств нападения. И усилить ее активными средствами для контрудара.

– А это еще зачем? – поинтересовался министр иностранных дел.

Маршал Семенов искоса посмотрел на вопрошавшего и невозмутимо ответил:

– Глухая оборона – это заранее проигранное сражение. Выиграть можно только активными действиями. Лишь бы сербы не потопили атомный авианосец, – добавил он потише, – замучаемся реакторы со дна доставать, и «Гринпис» нас с дерьмом смешает.

– Наш генштаб уже составил список, – продолжил Андреев и, водрузив на нос очки, начал зачитывать с бумаги: – Наземная ПВО будет строиться на основе мобильных дивизионов «Буков» и «Квадратов», на предполагаемых направлениях ударов и для защиты стратегических объектов развернем 20 дивизионов «С-300ПС» и модернизированные «С-75». Непосредственное прикрытие войск и ближнюю ПВО объектов возьмут на себя «Тунгуски» и «Панцири», не менее двухсот машин. Все наличные «С-125» с новыми головками самонаведения разместим в первом эшелоне в Черногории и вдоль Боснийской границы. Для воздушного прикрытия необходимо поставить 50–60 «МиГ-29СМ», кроме того, желательно иметь хотя бы одну полнокровную эскадрилью «Су-27».

– А тяжелые перехватчики? – задал вопрос Трубников.

– Нет смысла. Наши «МиГ-31» не имеют существенного преимущества на ограниченных театрах военных действий, это машины для больших пространств, над Сербией им будет тесно.

– Продолжаю. Необходимо развернуть 2–3 основных и резервные пункты космической связи. Естественно, усилить нашу орбитальную группировку. Нам необходимо до конца года запустить еще не менее восьми спутников оптической и радиолокационной разведки. Этим мы полностью завершим работы по системе «Легенда» и модернизацию ГЛОНАС. Естественно, надо поставить мобильные радарные посты и оборудование для постов наблюдения. Активные действия против НАТО должны быть сведены к авиационным ударам по аэродромам и базам снабжения и к ракетным атакам на авианосные ударные группы в Адриатике. Кроме того, желательна активизация армии Сербской Краины и боснийских сербов. Для воздушных ударов подойдут имеющиеся у Югославии штурмовики, мы их усилим полком «МиГ-23МЛД» и поставим новые авиационные ракеты.

– Старые машины, можно дать и больше – заметил Старо, до этого не принимавший участия в разговоре. Его работа начнется после совещания. Организация межведомственного взаимодействия это тоже искусство, требующее недюжинных способностей.

– Да, старые, но новые стоят дорого, и их мало, а при нормальной организации дела пригодятся и старики. Тем более что у нас в наличии всего двенадцать полков «МиГ-23МЛД», остальные еще проходят модернизацию. Да и слишком много – тоже плохо. У нас и с первоначальным планом намечается дефицит летчиков и наземного персонала, придется привлекать добровольцев. Но вернемся к нашим янки. Для удара по кораблям применим наземные батареи «Прогресс», 12 машин с боекомплектом, две ракеты на установку, и новые «Яхонты», всего 8 комплексов с боекомплектом по четыре ракеты.

– Заодно испытаем их в реальном бою, – заметил Кондратенко, – а то поставщики слишком их разрекламировали.

– Комплексы береговой обороны разместим в Черногории и при благоприятной обстановке для атаки на корабли можем применить самолеты. Разумеется, необходима поставка авиационных ракет, скорее всего «Х-31А». Ну, и обеспечить надежную защиту и маскировку батарей до их применения.

– Как вы собираетесь обеспечить доставку оружия и снаряжения?

– Это мой вопрос, – прозвучал голос Рычкова, – в обмен на некоторое повышение квот на импорт сельхозпродукции Румыния закроет глаза на наши нарушения эмбарго против Югославии. Подарим им десяток «КамАЗов», купим пару эшелонов помидоров, и они пропустят даже атомную боеголовку.

– Не забывайте, что противник в ближайшее время усилит давление на Румынию, особенно во время визита Милошевича в Москву.

– После революции 89-го у них полная свобода предпринимательства, а бизнес причудливо переплетается с государственной службой, – брезгливо усмехнулся Трубачев. – У нас прикармливаются несколько политиков и министров. Они отработают свои деньги.

– У румынских нефтяников сильное лобби в правительстве, – добавил Рычков, – а контракт на реконструкцию нефтяных терминалов и нефтеперегонного завода в Констанце выиграла «Сибнефть».

В глазах слушателей мелькнуло понимание. Получение такого контракта в стране третьего мира, да и в большинстве развитых стран, возможно только с помощью значительного отката. А значит, многие крупные чиновники имеют свой интерес и сделают все, что могут, и чуть-чуть больше, лишь бы сделка не провалилась. Такая схема работы с иностранными заказчиками не афишировалась, но и не возбранялась. Все равно все дополнительные расходы закладывались в стоимость работ и ложились на плечи заказчика.

– Хорошо, это ваш вопрос, Вячеслав Иванович и Антон Васильевич. – Верховный быстро вернул разговор к обсуждаемой теме. – Товарищ Семенов, вы говорили о добровольцах?

– Да, нам необходимо привлечь русских специалистов, летчиков, техников, зенитчиков, офицеров технической разведки.

– На сегодняшний день у нас в Сербии и Боснии около семи тысяч «туристов», – заметил Трубачев, – но это большей частью пехота и танкисты.

– Ваш контингент?

– Нет, что вы! На самом деле добровольцы. Мы просто ведем негласный учет и рекомендуем ребятам получать двойное гражданство. Но для реализации плана наших военных надо немедленно начать набор людей на полуофициальной основе.

– Мы готовы уже завтра провести работу среди молодых офицеров и сверхсрочников, – вставил слово маршал Семенов, – нужно только принципиальное согласие Совета Безопасности, а вербовку и отбор проведем сами.

– Хорошо, что вам еще необходимо?

– У меня целый список: топливо, боеприпасы, ремонтное снаряжение, техника, тягачи, медицинское обеспечение, всего и не перечислишь. Но большую часть груза можно перебросить по каналам МЧС, как гуманитарную помощь.

– Что скажет флот? – дав людям выговориться и обсудить общие контуры плана, Арсений Степанович резко перешел к жесткому деловому стилю проведения совещания, быстро замкнув контур управления на себя.

– Сейчас мы держим в Средиземном море два ракетных крейсера, авианесущий крейсер, восемь эсминцев, двенадцать БПК и СПК и четыре десантных корабля. Я планирую после первых демаршей НАТО усилить эскадру авианосцем «Кузнецов», артиллерийским крейсером «Рюрик», дюжиной эсминцев и БПК, плюс суда обеспечения.

– Как отреагируют янкесы?

– Плохо отреагируют, Арсений Степанович, беситься будут. Я еще планирую в феврале-марте следующего года провести масштабные учения в северной Атлантике и у Окинавы. Плюс усилим активность подлодок. Им понравится.

– А я, со своей стороны, привлеку к учениям авиацию, – добавил Андреев, – пусть амеры рвутся на три части: и за нашими учениями следят, и войну ведут. Пусть гадают: вдруг мы под шумок тоже ударим.

– Помнится, в бюджете расходы на такие учения не предусмотрены, но мы что-нибудь придумаем, – хмыкнул Шумилов, одновременно соглашаясь с предложением и в то же время напоминая генералам, что вопросы финансирования решает именно он и никто другой. Семенов только пожал плечами. Ну, не получилось, и ладно.

Премьер непосредственно держал на контроле расходную часть бюджета. Особенно жаркие баталии разгорались за военную часть расходов. Шумилов стремился делать упор на модернизацию старой техники, а не на закупку новой. Семенов, в свою очередь, боролся за каждую копейку и постоянно придумывал косвенные схемы позволяющие перетянуть пару миллиардов. А премьер постоянно расшифровывал эти схемы и прикрывал нецелевое финансирование. Министр обороны в свою очередь с пеной у рта доказывал необходимость закупки новых танков и самолетов, строительства кораблей, расширения существующих военных баз и повышения денежного довольствия военнослужащих. Последняя статья расходов неуклонно росла, несмотря на сокращение ряда нестроевых служб и чистки генеральских рядов. Просто уже сейчас рядовой и сержантский состав на пятьдесят процентов состоял из сверхсрочников, и с каждым годом эта цифра росла. К 2005 году планировалось полностью отказаться от призыва, заменив его трехмесячной общей военной подготовкой. Генералы недолюбливали Павла Николаевича, но при этом уважали – премьер всегда чувствовал цифру, ниже которой опускаться нельзя, и необходимый уровень финансирования сохранял.

Сам он считал военные расходы необходимым злом. И так в последние пятнадцать лет была потеряна большая часть сфер влияния. А для выживания Союз был обязан бороться за контроль над сырьевыми ресурсами и стратегически важными точками планеты. И постепенно сплачивать вокруг себя сильный военный блок, взамен бездарно потерянного Горбунковым. Да

и экспорт оружия приносит хорошие деньги. Только вчера «Оборонэкспорт» получил заманчивое предложение от Бразилии, чьи генералы были впечатлены операцией «Солнечный проблеск». И это на исконно американском рынке сбыта оружия! К тому же Индия и Китай выступают постоянными заказчиками. Торговля оружием – это выгодное дело. Лучше продавать танки, чем нефть.

3

Новый год. 1991 г

На заметенных снегом улицах тускло светили редкие фонари. Легкий морозец пощипывал щеки, было сравнительно людно. Приближался Новый год, и народ как угорелый носился по магазинам, выстаивал километровые очереди в надежде что-нибудь оторвать к празднику или, на худой конец, просто отovarить талоны. В кооперативных палатках продавались мандарины и шампанское, но покупателей было не так уж много – цены кусались.

Арсений Степанович легко выпрыгнул из «уазика» у темного подъезда обшарпанной пятиэтажки. «Все, сержант, на сегодня свободен», – ответил он на немой вопрос, читавшийся в глазах водителя. Выпустив облако сизого дыма, машина с прогазовкой сорвалась с места и, завывая мотором, скрылась под аркой. Несмотря на грядущую инспекцию, настроение у генерала-майора Бугрова было праздничным. И пусть треклятая комиссия выискивает несуществующие недостатки и придирчиво изучает солдатский котел. Ерунда это все. Как говорить, не первый раз замужем. Бугров прекрасно знал, что вся проверка сведется к учебной тревоге, маршу попавшегося под руку столичного генерала полка на полигон и стрельбам. Все это уже проходили. Стрельбы пройдут удачно, смотр военного городка тоже пройдет на «отлично». Дивизия уже две недели усиленно готовилась к «внезапной» проверке. За своих бойцов Бугров был спокоен – не подведут. А после стрельб он повезет комиссию в полном составе отогреваться в «Красный уголок» дивизии. За столом под тосты «За Новый Год!», «За армию!», «За воинское братство!» будет выпито море водки и съедено огромное количество деликатесной закуски. Зам по тылу уже все подготовил и упрятал под замок, дабы расторопные прапора не растащили. Самых устойчивых гостей ожидает банька, а тех, кто ляжет под стол, приведет в чувство медслужба. Эту идею Бугров подметил в одном госпитале. Там перепивших гостей укладывали под капельницу. Бугров вообще любил перенимать хорошие идеи. А наутро комиссия, отпоенная капустным рассолом, будет препровождена на военный аэродром и убудет в Москву, вынося из поездки единую мысль, что генерал-майор Бугров хороший человек, прекрасный командир и дивизия у него в полном порядке. Значит, в Москве Бугрова будут помнить только с хорошей стороны. Праздничного настроения добавлял и тот факт, что супруга умотала в Минск к теще до самого Старого нового года. Да и лоботряс Вовка приедет домой только после праздников, у них в училище начинаются экзамены.

В сетке лежали бутылка «Сибирской», батон ветчины и пакет мандаринов, реквизированные из заготовок для комиссии. Остается только докурить сигарету, пройти тридцать метров до подъезда, подняться на третий этаж и позвонить в дверь. Сегодня пятница, традиционный день дружеской посиделки. Мужики уже перезвонились и решили собраться у Паши Шумилова. Благо у него новый телевизор, японский «Sony», и Марина не ругается, когда друзья задерживаются до ночи и спорят до хрипоты.

Зашвырнув щелчком окурков в сугроб, Бугров направился в подъезд. В подъезде воняло мочой, тусклая лампочка на первом этаже высвечивала неприглядную действительность советского жилищно-коммунального хозяйства, в виде обшарпанных дверей, скрученных спиралью перил и сакраментальных надписей на стенах с четырьмя ошибками в слове из трех букв. На втором этаже света вообще не было, но зато присутствовала компания молодежи допризывного возраста. Бренчали на гитаре. При виде Бугрова, а главное, его форменной шинели, ребята поздоровались. Наметанный глаз генерала уловил блеск бутылки, скрывшейся за спинами.

Ладно, сами такими были. Да сейчас и время хреновое – молодежи податься некуда. Закружили им голову перспективами и бросили. Комсомол совсем от дела отбился, все комсомолы и активисты, те, что поумнее, с азартом кинулись возрождать кооперативное движение,

остальные с горящими глазами и пеной у рта разоблачают грехи Сталина и Брежнева, как будто Хрущ был умнее или нынешний что-нибудь делает полезное. А о молодежи позабыли, некогда им с молодежью возиться, надо политический и финансовый капиталец собирать. Плюшкины, блин. Строгов рассказывал, у них был случай: в Ровно поймали банду натуральных бандеровцев. Это ж надо до такого докатиться! Еще два-три года при Горби, и увидим на улицах настоящих фашистов в эсэсовской форме.

Паша Шумилов оказался дома. В своих любимых плюшевых тапочках и заношенном трико с пузырями на коленях. Посмотрели бы сейчас студенты на своего преподавателя новомодной «Экономической теории», легко цитировавшего Макса Вебера, Адама Смита и Карла Маркса.

– Привет, заходи, генерал! Ты сегодня первый.

– Здорово, профессор! Как твои студиясы?

– Нормально, что с ними будет? Усиленно готовятся к Новому Году.

– Марина, это тебе – при этих словах Арсений извлек из авоськи пакет с мандаринами и с полупоклоном протянул выглянувшей в прихожую Пашиной жене.

– Ой, спасибо, Сеня. Да проходи, не стой на пороге. А Павел сегодня коньяк притащил, настоящий грузинский, целых три бутылки.

– Что, экзамен принимал? – понимающе подмигнул Бугров.

– Нет, зачет, – недовольно поморщился Шумилов. – Сынок директора хозторга, редкостный debil. И тянуть одно мученье, и заваливать бесполезно: папаша с нашим ректором дружит.

– Здравствуй, Арсений Степанович, – в прихожей возникла юная непоседа в коротком халатике до колен. – Мама, это нам?

– Вам, вам, – улыбнулся Бугров, – и тебе, и маме, и сестренке.

– А это нам, – добавил он полупшепотом, когда дамы удалились в комнату, доставая поллитровку.

– Да не прячь, не прячь, – довольно расхохотался Паша, – у нас можно.

– Думаешь? – с сомнением произнес Бугров.

– Естественно, о чем речь! Совсем ты одичал на своей службе. Давай раздевайся и проходи.

Через пару минут друзья уже расположились в зале перед новеньким телевизором.

– Паша, убери этого урода – Арсений недовольно ткнул в сторону экрана, с которого увлеченно вещал Президент СССР.

– Не хочешь, не надо. – Шумилов махнул пультом, переключая канал.

– О, так лучше. Лучше Листьев, чем Горби.

– Нет, «Поле чудес» пусть смотрят в «Стране дураков», – перебил его Павел, щелкая пультом. На третьем канале шел старый «Мюнхгаузен», который всех и примирил.

– А чем тебе Горбунок не нравится? Вроде, правильно говорит.

– В том-то и дело, что он только говорит. Я сегодня был в 114-м полку, так у них замполит с самого утра сидит над новой речью Горби и пытается выжать из нее что-нибудь доступное для политинформации.

– И что?

– Да в том-то и дело, что ничего! Одни общие фразы! Сплошная вода, ничего конкретного!

Генерала перебила трель дверного звонка, и Павел пошел открывать. Вскоре из прихожей донеслись радостные возгласы. Пришли Володя Строгов и Сергей Анютин.

– Ну вот, честная компания в сборе, – пробасил Бугров, довольно потирая руки.

– Главное, дружная компания, – в тон ему ответил Анютин, доставая из-под пальто бутылку «Русской». – Черт побери! Два часа стоял, пока талон отоварил.

– Так ты же, вроде, директор?! Неужели не мог добыть себе пару ящиков?

– У меня, дружище, только бетон и плиты. Хочешь, машину панелей хоть завтра пригоню?

– Спасибо, я дачу уже построил, – поднял руки вверх Шумилов. – А как ты будешь Новый Год встречать? Или безалкогольный праздник устроишь?

– Спасибо за совет, ты очень добрый, меня за такое профсоюз живьем в бетон замурует. На следующей неделе жду две машины с крымским вином. Без праздника завод не останется.

– Так и живем, – улыбнулся Строгов, аккуратно задвигая в угол авоську.

– Ну и чем нас ЧК порадует? – зыркнул на авоську Бугров.

– Чем, чем, балычком и корейкой из праздничного заказа, – поднял вверх честные небесной синевы глаза Володя, извлекая из сумки под общий хохот бутылку «Столичной».

– Ребята, давайте быстро на кухню. Пельмени через пять минут будут готовы. – Марина успела заметить скрывшуюся в сапоге бутылку, но вида не подала. Пусть мужики отдыхают, время сейчас такое сложное. Да и компания у Паши хорошая. Нормальные ребята, и все семейные, не то что у Машки муж – через день на рогах приходит. Пашины друзья если и пьют, то редко и культурно, без мордобоя.

– Ну, давайте за Новое мышление, ускорение и Перестройку, чтоб ей пусто было! – провозгласил Строгов, убирая под стол пустую бутылку из-под «Столичной» к сиротливо жавшейся там опустошенной коньячной. Вечеринка была в самом разгаре. Марина уже удалилась к телевизору, оставив мужиков вариться в собственном соку. О хоккее поговорили, новости обсудили, где встречаться в Новый год, уже договорились. Разговор плавно перетек на политику.

– Зря ты так, Володя, – заметил Шумилов, нанизывая на вилку соленый груздь. – Без Перестройки мы бы развалились.

– А с ней еще быстрее.

– Ну, я понимаю: еще есть отдельные проблемы и недоработки на местах.

– Да, да, но мы уверенно и целеустремленно движемся вперед, – в тон Шумилову добавил Анятин. – Прямо, прямо и прямо в пропасть. Павел, ты же умный человек!

– Шучу я, Сергей. Самого достала эта порнография.

– Мужики, представляете! Я на прошлой неделе впервые столкнулся с рэкетом.

– Ну и как? Понравилось?

– Приперлись ко мне в кабинет два амбала: так и сяк. Будешь платить за «крышу», иначе возникнут проблемы. А я что! Я ничего. Вежливо, тактично пообещал подумать, да и позвонил знакомым ментам. Быстро разобрались. Эти шкафы еще извиняться приходили.

– Б. дь, совсем оборзели, козлы, – мрачно буркнул Строгов. – Надо было мне позвонить.

– Да ладно, Володя. Марчук устроил им экскурсию по КПЗ с разносторонней развлекательной программой. Надолго запомнят, уроды.

– Я понимаю, у кооператоров денег куры не клюют. А с тебя-то что брать? Ты же на госпредприятии работаешь? – поинтересовался Арсений.

– Они чувствуют, что в стране бардак, вот и стремятся урвать кусок пожирнее, – заметил Шумилов, поднимая рюмку. – Ну, за коммунизм!

– Да, товарищи, за коммунизм и за Союз без Горби! – поддержал тост Бугров.

– Куда мы катимся? – продолжил Сергей, прожевав кусок балыка. – В Закавказье война, в Прибалтике нацисты распоясались, у нас уже на мыло талоны ввели, коррупция, воровство. Чем все это закончится?

– А ничем – саркастически усмехнулся Бугров. – Наше дорогое советское правительство растаскивает страну по карманам, а шушера помельче четко улавливает: «Процесс пошел». Ты заметил? В газетах уже появились идеи разделить все поровну.

– Да, и строим с песнями маршировать к светлому прогрессивному будущему всего человечества, к капитализму. Я, положим, формовочный пресс заныкаю. Павел откроет частный ВУЗ или – еще лучше звучит – колледж. А ты что будешь делать? Танк в свой гараж загонишь?

– Зачем танк. У меня целая дивизия. Будет плохо, так форсированным маршем рванем на Москву, Кремль брать. Солярка пока что имеется.

– Не остановят? – ехидно поинтересовался Шумилов.

– Нет, некому будет, – безапелляционно отрезал Арсений. – Еще немного такой сволочной жизни, и армия взбунтуется. Я разговаривал с офицерами из 217-го танкового полка. Их из Германии вывели прямо в чистое поле. В палатках живут. Сволочи! Нельзя так над людьми издеваться.

– А все их дома фрицам остались, – добавил он устало. – И наш миротворец ставропольский все армейское имущество им за спасибо подарил.

– Не знаю, как ты, а я уже сейчас вижу, что у Горбункова масса ошибок. Все идет к развалу. Помнишь 17-й год? – заметил Павел. – Поверьте старому интеллигенту, я редко ошибаюсь.

– Какой ты старый, всего-то 38, – улыбнулся Анятин, разливая водку.

– И какой ты интеллигент? – добавил Бугров. – Ты же умный человек.

– Эх, блин, Сталин плохой, Сталин сякой, а при Сталине лучше было, во всяком случае талоны на мыло не вводили, и заводы строили, и хлеб свой ели. А сейчас уже за границей покупаем.

– Я разговаривал с одним своим знакомым из Подольска. Он говорит: они разработали ЭВМ лучше ИВМовской, так до сих пор не могут запустить в производство. У него такое ощущение, что им специально мешают, специально не дают работать.

– Может, она только на словах лучше?

– Нет, Володя, полгода тестировали, сравнивали. Наша лучше. Только покупать предпочитают на Западе за валюту.

– Предательство – оно и есть предательство. Говорят, на Западе жизнь лучше, что у них колбасы сто сортов, что мы, кроме ракет, ничего делать не умеем, что черножопых бесплатно кормим. А сами с каждым днем страну разворовывают, смотреть больно.

– Эх, Серега, давай еще по одной!

– Давай.

Молча выпили, закусили. Каждый думал о чем-то своем.

– А ведь все мы здесь коммунисты, – нарушил молчание Бугров. – Может, хватит по кухням жаться, как недосиденты? Пора и делом доказать, что не зря наши отцы и деды Союз строили.

– Надо, давно пора. Честно говоря, в обкоме есть недовольные сегодняшним бардаком, я могу с ними поговорить, – добавил Анятин, в его глазах блеснула искра, на лице появилось мечтательное выражение, словно он уже арестовывал Горбункова.

– Мужики, а на самом деле пора... – Шумилов цветасто выматерился. – Пора кое-кого из ЦК и Политбюро на осину взгромоздить.

– И не только из ЦК. В Совете Народных Депутатов падаля расплодилась. Всю «Межрегиональную группу» пора по этапу на Колыму отправить, да и... – с жаром добавил Сергей Анятин и остановился на полуслове, уставившись на хитро улыбающегося Строгова.

– А что вы на меня так смотрите? Раз сказали «А», надо и «Б» говорить.

– А не заложишь? Ради очередной медали, – тихо поинтересовался Шумилов.

– Нет, ты, Паша, меня оскорбляешь. Я, к твоему сведению, всю жизнь в контрразведке проработал. Я и сейчас готов шпионов ловить, да только в Кремль не пускают. Придется с вами на танке въезжать.

– Ну что? Согласны? – добавил он, убирая со стола полупустую бутылку. – Только хочу заранее предупредить: большинство заговоров провалились из-за пьяной болтовни...

Так начинаются великие дела. Никто из них и не подозревал, в какую историю они вляпались. Даже многоопытный Строгов не догадывался, что он еще не раз проклянет сегодняшний вечер и свой язык.

4

Обычный день. 1998 г

С самого утра все шло наперекосяк. Злодейка судьба подкидывала неприятность за неприятностью. Сначала перед завтраком Стас обнаружил, что кончился кофе. Естественно, кофе кончился еще вчера, просто Стас забыл его вечером купить. Но делать нечего, пришлось обойтись чаем. Потом он опоздал на работу. Мало того что вышел из дома позже обычного, так еще пришлось пропустить три битком набитых автобуса. Наконец, втиснувшись в очередной, скрипящий и воняющий солярой рыдван, Стас был вынужден почти всю дорогу до родного КБ ехать в метре от пары работяг, разивших на пол-автобуса бронебойным перегаром. Пассажиры морщились, но терпели, устраивать перебранку никому не хотелось. Разумеется, на этом подарки судьбы не кончились: галопом пробежав через проходную, одним духом взлетев на третий этаж, на ходу кивая сослуживцам и ворвавшись в родной отдел в пятнадцать минут девятого, Стас нос к носу столкнулся с начальником отдела, флегматичным, пунктуальным трудоголиком Андреем Карловичем. Начальник, не моргнув и глазом, напомнил Стасу старую шутку про теплую водку, потных женщин и зимний отпуск. Иногда было сложно понять: шутит Андрей Карлович или нет.

Первая половина рабочего дня пролетела незаметно. Наскоро поздоровавшись с коллегами, Стас погрузился в расчеты узла привода рулей нового «изделия». Работа спорилась. Он по совету Андрея Карловича применил новую программу для расчета рабочих усилий и прочности конструкции и не прогадал: программа, в отличие от большинства подобных разработок, оказалась грамотной и адаптированной именно к ракетной технике, а не, к примеру, к велосипедостроению. На экране компьютера уже вырисовывались контуры будущей конструкции. Но перед самым обедом судьба решила напомнить о своем существовании, причем самым нахальным образом: завис «Кадмех». Самостоятельные попытки оживить программу ни к чему не привели. Графический редактор упорно отказывался запускаться, выдавая сакраментальное сообщение: «Поврежден исполняемый файл». Мысленно чертыхнувшись, Стас позвонил программистам. На том конце провода, выслушав сбивчивые объяснения инженера, недовольно буркнули по поводу способностей некоторых чайников обращаться с техникой чуть сложнее мусорного ведра и пообещали зайти после обеда.

Делать было нечего. До перерыва оставалось целых полчаса. Основные расчеты были выполнены, для дальнейшей работы требовалось только проработать чертежи. Пока Стас пытался наладить свой компьютер, остальные сотрудники отдела были заняты каждый своим делом. Даже Наташенька, молодой специалист, уже полгода пытавшаяся научиться отличать вектор тяги от рулевой тяги, а кабель от кобеля, нахмутив черны брови и сжав губы, упорно барабанила по клавиатуре. Все были при деле. Андрей Карлович, бросив мимолетный взгляд на Стаса, загадочно улыбнулся и вернулся к изучению толстого справочника. Пить кофе перед обедом не было смысла, гонять «Тетрис» не хотелось, читать было лень. Можно было, конечно, запустить «Паркан», новую космическую игрушку-стрелялку, но, во-первых, это не на полчаса, а гораздо дольше, а во-вторых, Андрей Карлович – мужик, конечно, мировой, но может не понять. Делать было нечего, и Стас направился в курилку.

В дальнем конце коридора, отведенном для курящих сотрудников и обозначенном соответствующими плакатами и веселеньким противопожарным щитом с огнетушителем, баграми, лопатой и ведром, трепалась жизнерадостная компания лаборантов из сектора Несущих конструкций. Судя по обрывкам разговора, у них вырубилось электричество. Поздоровавшись, Стас закурил сигарету, первую за сегодняшний рабочий день. Те, что были выкурены утром до работы, не считались. Разговор в курилке постепенно от обсуждения качества проводки

в лаборатории и анатомических особенностей электриков и тайн их интимной жизни плавно перешел на нейтральные темы, на женщин, в первую очередь.

Дима Карелов, невысокий, полноватый, с явно проступающей лысиной на макушке, внешне напоминающий футбольный мяч, но тем не менее пользующийся бешеным успехом у женщин, рассказывал о своем последнем приключении. Будучи джентльменом, Дима имени не называл, но всем и так было ясно, что речь идет о его последней пассии, Марине из бухгалтерии. Рассказчиком он был великолепным. Особый восторг у слушателей вызвало упоминание об использовании в качестве ложа для любовных утех вибростенда. А вибростенд у них был хороший, большой, на нем корпус зенитной ракеты помещается. На местного Казанову тут же посыпались уточняющие вопросы, самым невинным из которых был: «Что же ты забыл стенд включить?». Дима, не растерявшись, предложил коллегам самим попробовать секс на работающем на полную мощность стенде и продолжил повествование.

Стас слушал разглагольствования Карелова вполуха, несмотря на общее веселье, в душе у него зашевелилась легкая зависть. В отличие от обаятельного весельчака Димы Карелова, он не мог похвастаться столь многочисленными и легкими победами. Вроде бы и карьера удачно складывается, уже ведущий специалист, и зарплата приличная, и отдельную квартиру получил два года назад, и внешностью бог не обидел, а поди ж ты... С последней своей подругой он расстался месяц назад. Сначала все было в порядке. И красавица, и умница, и в постели хороша до безобразия и после безобразия, одним словом, «комсомолка, спортсменка, активистка», но всего через полгода после знакомства Света стала слишком настойчиво намекать, что пора бы зарегистрировать отношения. На что Стас ответил, что еще не готов взвалить на себя такую ответственность, как создание новой «ячейки общества», проще говоря, жениться. И предложил подождать еще полгода. В ответ Света громко хлопнула дверью и ушла, кажется, навсегда. Во всяком случае, больше не звонила.

За пикантными разговорами незаметно прошло время, и веселая компания, побросав окурки в жестяную банку из-под кофе, заменявшую нормальную пепельницу, потянулась в столовую. Не раздумывая над выбором, Стас взял комплексный обед за пять рублей и, пристроившись за столиком у окна, принялся поглощать солянку. Прямо над кассой висел транспарант, стилизованный под Маяковского:

«Пальцем в солонку? Стой!
Что ты
Себе
Позволяешь?!
Мало ли где еще
Ты им ковыряешь!»

Плакат появился недавно, после того как заведующий столовой прочел сборник Стругацких. Видимо, именно эта фраза сильнее всего задела его душу. Правда, реакция сотрудников реального советского номерного КБ сильно отличалась от литературных героев из НИИ ЧАВО. Была более здоровой, что ли. Во всяком случае, никто в обморок не падал и нос не морщил. За время Перестройки люди привыкли и не к такому.

Доев свой обед, Стас побросал тарелки в окошко моечной и неторопливо вернулся в свой родной отдел. Делать было нечего, до конца перерыва оставалось целых полчаса, и еще неизвестно, сколько времени ждать программиста. В отделе все занимались своими делами. Вера Сергеевна и Наташа пили чай. Виктор Петрович и Толя еще не вернулись с обеда. Андрей Карлович читал справочник, похоже, он даже не ходил обедать. Только Павел Николаевич, кивнув вошедшему Стасу, с ходу предложил партию в шахматы. Но, получив отказ, махнул рукой и сел играть с компьютером.

А за окном светило яркое солнце. Середина июля. Самое лучшее время. Во дворе в тени старой развесистой ивы расположилась компания рабочих с опытного производства, справедливо считавших, что в такую погоду грех проводить законный перерыв в душном цехе. За красным приземистым производственным корпусом, построенным еще в 30-е годы, виднелись ажурные радарные антенны военного аэродрома и железная скособоченная вышка управления полетами. В небе кружилась четверка истребителей, серебристые машины легко выписывали фигуры высшего пилотажа. За хвостами машин тянулись молочные полосы инверсионных следов. До Стаса доносился приглушенный расстоянием, километров десять, не меньше, уверенный гул мощных двигателей.

«Учебные полеты – подумал Стас – летают себе и в ус не дуют».

«Высоко лечу – далеко гляжу... Но, с другой стороны, на земле вас ждем мы – зенитчики. И ваши прекрасные скоростные машины для нас – не более чем мишень, пусть даже и маневренная. Через месяц поеду на полигон в Пономаревку на пробные пуски последнего изделия». При мыслях о командировке Стас довольно потянулся. На полигоне совсем другая жизнь: там свежий воздух, много интересной работы, хорошие ребята от смежников, постоянные пуски, интересное общение, а по вечерам шашлычок прямо у веранды клуба и красное вино, выдаваемое за вредность. Смежники с «КамАЗа» обещали привезти настоящий шотландский виски. Надеюсь, не обманут. А затем, уже в сентябре, отпуск!!! Надо будет смотаться в Крым. На пару недель. Повалиться на пляже, посидеть в кафешках, как грибы после дождя, покрывших все курортные города. Да и приключения, куда же без них! Крымское солнышко удивительно действует на женщин – готовы на все с первым встречным.

От приятных размышлений Стаса отвлекло появление длинноволосого очкастого молодого человека в джинсе. Бесцеремонно ввалившись в отдел, очкарик громогласно спросил:

– Ну, у кого тут прога гикнулась?

Это был программист. И где кадры таких набирают? Правда, «Кадмех» он оживил за пять минут. При этом даже не пострадали базы данных и архивные наработки. Попутно специалист почистил диск от мусора и подстроил интерфейс операционки. Компьютеры в КБ стояли отечественные, у Станислава был «Полет-18», в просторечии именуемый «пролетом», но, вопреки подпольной кличке, машинка была хорошей, почти не уступала даже хваленому «Пентиум-3». Да и операционная система «Вектор-4», несмотря на простенький интерфейс, славилась своей надежностью, скоростью работы и уникальной совместимостью: под «Вектором» надежно работали не только «Уникс»-приложения и родные программные пакеты, но и приложения для Виндовса. Специалисты даже умудрялись запускать под «Вектором» программы для «Макинтоша».

Программист оказался в хорошем настроении, ни разу не прокомментировал способности Стаса к работе на компьютере и даже дал пару советов по настройке «Кадмеха». Правда, Стас почти ничего не понял, так как тот изъяснялся исключительно на своем варварском наречии, недоступном нормальным людям.

Махнув рукой вслед удаляющемуся специалисту, Стас сел за компьютер и с воодушевлением принялся за работу. Дело спорилось. Уже через пару часов Стас, откинувшись на спинку стула, разглядывал вырисовавшийся на экране узел управления рулями.

– Андрей Карлович, – позвал он начальника отдела, вдосталь налюбовавшись красотой технического решения, – взгляните.

И именно в этот момент судьба развернулась на все 180 градусов и широко улыбнулась. И ничего удивительного в том, что улыбка судьбы обернулась телефонным звонком. Трубку схватила Наташенька.

– Алло, да пятый сектор. Да, да, на месте, сейчас позову.

– Станислав, это вас – срывающимся голосом промолвила Наташа в пространство, прижимая трубку к груди – секретный отдел.

Стас молча пожал плечами и направился к телефону. Мало ли что им там понадобилось. Может, уточнить сроки поездки на полигон. Секретчики всегда уделяли пристальное внимание перемещениям техники за пределы Конструкторского Бюро.

– Рубанов слушает.

– Станислав Петрович, пожалуйста, зайдите к Никифорову, это срочно, – трубка отозвалась прокуренным голосом секретарши начальника Отдела Внутренней Безопасности, обычно называемого Секретным отделом. Только полный идиот не знал, что отдел безопасности не имел никакого отношения к ВОХРу, а комплектовался исключительно комитетчиками. Странно. Стас не мог припомнить ничего, способного послужить поводом к этому вызову. Обычно секретный отдел редко пересекался с техническими специалистами, стараясь делать свою работу незаметно от остальных сотрудников КБ. Но, с другой стороны, мало ли кто там чего ляпнул.

По дороге к кабинету начальника Отдела Безопасности полковника Никифорова Станислав лихорадочно прокручивал в голове список своих друзей и знакомых, способных заинтересовать всесильный комитет.

Ленка Серебрякова одно время путалась с арабом. Но, во-первых, Стас с ней давно не встречался, а во вторых, по слухам, большинство ее друзей и подруг прекратили с ней общаться, «подстилка черножопого» – еще подцепишь что при рукопожатии. Дима Портнов держит свой автосервис, естественно, работает с «черным налом». А кто из предпринимателей не уклоняется от налогов?! Но КГБ такой мелочевкой не занимается. Это дело ОБХСС – ловить мелкую рыбешку.

Разве что Витка Гоц, старый школьный приятель, связался с каким-то полуподпольным «Народным фронтом». Он еще хвастался, что ему дали почитать самиздатовскую книгу Виктора Суворова про Великую Отечественную. Якобы Сталин в 41-м сам собирался напасть на Германию, но Гитлер его опередил. Один знакомый Стаса, увлекающийся историей, говорил, что без смеха читать эту бодягу невозможно. Дичь совершеннейшая. Такие вещи могут воспринимать только «юноши с горящими глазами» и кашей вместо мозгов. А впрочем, нет ничего криминального в чтении самиздата. В Интернете совершенно свободно можно найти и не такое. Официально запрещенных книг нет со времен Перестройки, другое дело, есть издаваемая литература, но это, как говорится, совсем из другой оперы. И все, что нельзя найти в магазинах или на книжных развалах, совершенно свободно можно скачать в Интернете на домене «.su». Все знают, что запрещать в Интернете что-либо может только полный идиот. Гоц, конечно, мог вляпаться в какую-нибудь историю, но в этом случае никто бы и не узнал об аресте.

Приближаясь к кабинету Никифорова, Стас, так и не найдя «порочащих связей», решительно плюнул на своих знакомых. На месте узнаем, зачем пригласили. Секретарша при виде Станислава Рубанова молча кивнула в сторону двери в кабинет. Значит, не занят, ждет. Так и оказалось. Сам полковник Никифоров первым поднялся навстречу посетителю и прямо через стол протянул руку.

– Проходите, присаживайтесь. – Рукопожатие секретчика было по-настоящему крепким. Антон Павлович был, как обычно, одет в демократичный однобортный пиджак «мокрый шелк» и синюю рубашку с пестрым галстуком. Но никакая гражданская одежда не могла скрыть его молодцеватую выправку, приобретенную за долгие годы службы. Худощавый, жилистый, с глубоко посаженными глазами серо-стального оттенка, с короткой стрижкой и дежурной располагающей улыбкой на лице, Никифоров светился здоровьем и энергией. Все знали, что он не курит, позволяет себе не больше фужера красного вина по праздникам, много времени проводит в спортзале и надеется дожить до ста лет.

– Станислав Петрович, есть к вам одно дело. Я слышал, вы в ближайшее время собираетесь на полигон?

– Да, Антон Павлович, через месяц, как только закончим отладку изделия.

– И как? Планируете завершить испытания или придется еще дорабатывать?

– А кто его знает, – Стас постучал костяшками пальцев по столу. – Вроде, все нормально. Должны, по идее, завершить работу, если головка опять не подведет.

– Вы уж постарайтесь. Сами знаете, новый комплекс очень нужен стране. Агрессор не дремлет. – Стас и без секретчика знал, что работы надо завершать. Уже сколько лет потрачено на эту систему. И все равно, раньше Нового Года на государственные испытания ее не предъявят. Слишком уникальная система. Практически первая в мире противоракетная большой дальности. Разумеется, имеются аналоги, и у нас, и у них, но все они с ядерной боевой частью, а «С-400» должен с обычной боеголовкой прикрывать радиус до четырехсот километров от любого летающего объекта, начиная с боеголовки баллистической ракеты до идущего на бреющем «Томагавка». Конструкторы сейчас доводили до ума комбинированную головку самонаведения. По техническому заданию она должна самостоятельно отсеивать ложные цели, но пока у электронщиков что-то не ладилось.

– А потом? После испытаний? Опять на работу или в отпуск?

– Ну, это как отпустят – отшутился Стас, как будто Никифоров не знал график отпусков.

– Да вы курите, не стесняйтесь, – предложил Антон Павлович, пододвигая к Стасу массивную бронзовую пепельницу. Это означало, что вежливые расспросы закончились и начинается серьезный разговор. Совершенно не связанный со всякой мелочью вроде увлекающихся демократией друзей и завершением работ над новым комплексом ПВО.

– Вы еще не женаты? – утвердительно спросил Никифоров. – И не собираетесь?

– Нет, пока планов не строил.

– Это понятно, серьезный молодой человек, хороший специалист, честолобив, политической не увлекается, спортом занимается от случая к случаю, немного стеснителен, с последней девушкой расстался месяц назад... – Было видно, что полковник успел ознакомиться с досье Рубанова и демонстрировал это только для того, чтобы еще раз акцентировать внимание на серьезности разговора.

– Станислав, как вы относитесь к длительной командировке в загранку?

– Гм, я пока не думал. – Стас нервно провел ладонью по волосам. Интересное предложение, положительно судьба решила преподнести сюрприз.

– Нужны специалисты для настройки и ввода в строй «Буков». Работа сложная, ответственная. Мало того что «Бук» сам по себе требует грамотного отношения, так еще надо встроить батареи в единый комплекс ПВО. Справится?

– А с какими системами целеуказания придется работать? – Стас незаметно для себя закурил. Работа на самом деле предлагалась интересная. Он уже работал с армейским комплексом «Бук», приходилось и электронику настраивать, и направляющие рамы кувалдой править. Больше всего забот доставляли внешние целеуказатели, но это общая проблема всех систем ПВО сложнее пулемета.

– Точно не могу сказать, мне известно только то, что это будет комбинированная система управления, ориентированная на оптоэлектронные и спутниковые целеуказатели.

– Я, честно говоря, не работал с такими системами. В Союзе, сами знаете, ПВО строится на базе радарных комплексов, – ответил Стас, задумчиво разглядывая потолок.

Работу на самом деле предлагают интересную. До настоящего времени «Буки» поставлялись только в Индию и Финляндию, и то в незначительном количестве. Всего десяток комплексов. Заказчик явно готовится к массированным ракетным ударам, когда в первую очередь выводятся из строя радары, но достаточно богат, чтобы закупать новейшую технику. Чаше всего покупали новые комплексы «Тор» и модернизированный «Куб», зенитные системы, оптимальные по критерию цена-качество. Или разрекламированные дорогие тяжелые «С-300». Интересно, кто это может быть? Явно не арабы и не китайцы, им нет резона обновлять ПВО.

Естественно, не Европа, сейчас даже бывший соцлагерь ориентируется на западную технику, да и денег у них нет. Может, Индия? Но индусы если и собираются с кем-то воевать, так только с Пакистаном, а все пакистанские ВВС эскадрилья «МиГов» перещелкает в течение получаса. В принципе, возможен Китай, у них есть свои спутники разведки. Если бы еще можно было это убожество применить для наведения ракет. Но нет, судя по всему, покупатель планирует использовать данные с советских спутников.

– Ну, так что? Согласны? Или еще думаете?

– А если не секрет, куда командировка?

– Это уже не секрет. В Югославию, – ответил Никифоров, удовлетворенно глядя в глаза Рубанова.

– В Косово?

– Может быть, но маловероятно. Вас планируют направить в части, базирующиеся под Белградом. Места, говорят, чудесные: старый город, Дунай, мосты и кафе на каждом шагу, а какие там девушки! – вздохнул секретчик.

– Поеду. Естественно, поеду. Кто-то же должен помочь сербам, – тихо ответил Стас. А с другой стороны, такой шанс выпадает только раз в жизни. Если предложили – надо соглашаться, второго раза не будет. КГБ никогда не предлагает дважды. Это жизнь.

– Очень хорошо! Я знал, что вы согласитесь. У вас как раз такое время, когда нужно и можно посмотреть мир. Документы мы уже начали оформлять, так что на волокиту времени почти не потратите. Одно плохо, поездка планируется с осени до конца зимы. Но зимой там тепло, а осенью начинается сезон молодого вина. Представляете, Станислав, у них в каждом селе есть винный заводик, а бывает, и не один. Как у нас на Кавказе. Жизни не хватит все перепробовать.

– А я думал, меня посылают работать?! – притворно удивился Стас.

– Не бойтесь, работы хватит, но и впечатлений наберетесь, – рассмеялся в ответ на шутку Антон Павлович. – Значит, так. Вот вам, анкеты, заполните заранее, вот направление в ОВИР. Идете прямо в приемную, скажете, что от КГБ, нечего в очередях тратить время, там вам все оформят – и загранпаспорт, и визу, и билеты, все, что положено.

– Простите, а когда уезжать?

– С сентября месяца и до марта, так что перезимуете в теплых краях. Затем на два месяца в любой санаторий по выбору. Разумеется, лечение, отдых, проживание за счет заказчика, и 50 процентов добавки к окладу, плюс командировочные. Одно удовольствие, а не командировка.

День завершился спокойно. После работы Стас забежал в магазин прикупить хлеб, кефир и самое главное, кофе. Решив не жадничать, взял банку хорошего «Чибо» и большую жестянку «Нескафе». Дома, на скорую руку поужинав жареной картошкой с колбасой, Стас расположился перед телевизором. Сегодняшний разговор пробудил у него интерес к международной политике и мировым новостям.

В Югославии постреливают, и говорят, сильно постреливают. Но Стас относился к этому спокойно. Где только не стреляют – у нас тоже на Кавказе бандиты шастают. А в Югославии неспокойно только в Косово, а он едет в Белград или под Белград. И даже если судьба занесет его в Косово, трудно поверить, что небритые албанские сепаратисты нападут на хорошо охраняемый полк ПВО только для того, чтобы убить русского специалиста. Глупо. Так могут думать только индивиды с манией величия или на самом деле причастные к Большой Военной Тайне. Таковым Стас себя не считал.

Возможные бомбежки НАТО? Но пока дело ограничивается санкциями. Да и они же не такие дураки, как в голливудских блокбастерах. У них есть нормальная разведка, которая быстро обнаружит, что у сербов появились современные зенитные системы. Станислав Рубанов превосходно знал, что такое дивизион «Буков». Эти, казалось бы, неповоротливые громозд-

кие машины разворачиваются в боевое положение за считанные минуты и мгновенно вычищают небо в радиусе 30–40 км, сбивая все, что летает и способно засекается головками ракет. А активные головки самонаведения не срабатывают только на призраки и фантомы. Скорее всего американцы покричат и успокоятся. Тем более у югославов есть не только ракеты, но и истребители-перехватчики. На прошлой неделе по телевизору показывали, как югославский «МиГ-29М» завалил над Воеводино венгерского нарушителя, кажется, «МиГ-23».

Ничего у НАТО не выйдет, это вам не Ирак. Помнится, весной был скандал – наши поставили в Югославию новое оснащение для ЗРК «Квадрат». Старье конечно, но после модернизации способны валить даже хваленные «Стелсы».

По телевизору наконец-то ежевечерняя мексиканская жвачка сменилась заставкой программы «Вести». Хлеборобы ударными темпами засыпают в закрома Родины урожай зерновых. Как и в прошлом году, хлеба стране хватит с избытком. В Новосибирске построен Дворец Культуры с залом на 1500 мест. В Северодвинске введен в строй новый эсминец. В Средней Азии посадили очередного чиновника. В Москве прошел несанкционированный митинг в поддержку права на самоопределение народов Северного Кавказа. Все 150 митингующих успешно разогнаны милицией, трое зачинщиков задержаны. Наконец, о спорте...

Между бравурными вестями с полей и репортажем из Ферганы уместилась коротенькая новость из Югославии: правительственные войска отбили у экстремистов какой-то городок. Название Стас не запомнил. Сурового вида корреспондент зачитал короткое сообщение на фоне разрушенной халупы, и все. Следом пошла информация из Ферганской долины. Недовольный таким положением дел, Стас дал себе слово: завтра же на работе найти в Интернете все, что касается последних событий в Югославии.

В дверь позвонили. Отыскав под креслом тапочки, Стас пошел открывать. На пороге обнаружился приснопамятный Витька Гоц, радостно улыбающийся и с подозрительной картонной папкой под мышкой.

– Ну, что стоишь? Проходи, – буркнул Стас, пропуская готового взорваться сенсацией приятеля.

– Слушай, Стас, – сбивчиво заговорил Витек, выждав, пока хозяин квартиры, выглянув в коридор, закрыл за ним дверь, – мне вчера такое дали почитать! Закачаешься!

Стас недоверчиво покачал головой, молча извлек из-под тумбочки пару тапочек и протянул их гостю. Витька вроде взрослый человек, а до сих пор детство в одном месте играет. Давно уже пора остепениться, бросить все эти демфронтовские сходки и маевки, позабыть телефоны подозрительных приятелей-революционеров. Устроиться на нормальную работу. А то так и будет до самой пенсии в рекламном агентстве куплеты сочинять: «Новая пицца – нельзя не отравится». Жениться, наконец. При этих мыслях Стас бросил придирчивый взгляд на давно не стиранные занавески в гостиной и глубоко вздохнул. Ладно, пусть сначала работу поменяет.

– Слушай, Стас, я тебе когда-нибудь врал?

– Вроде нет – глубокомысленно ответил Станислав, насыпая в чашки ароматный «Нескафе». Все равно все врут, но говорить это в глаза неприлично.

– А когда-нибудь подставлял? – продолжил Витек.

– Вроде нет, зачем тебе меня подставлять?

– Тогда как ты относишься к правам человека?

– Гм, а что ты имеешь в виду? Права какого человека? – от такого вопроса Стас чуть не поперхнулся. В этом весь Витька, чтобы уловить ход его мысли, надо сильно постараться.

– Ну, понимаешь, вчера гэбисты устроили провокацию и арестовали Старохатскую! Это же настоящий беспредел. Натурально! Человек всю жизнь боролся против тоталитаризма, страдал, сидел в тюрьме и психушке, – надрывался Витек, – а вчера ее арестовали прямо на митинге.

– Ну и что? Если она псих, значит, нечего по митингам ходить. – Стас вспомнил эту Старохатскую. В свое время она ярким метеором пронеслась по политическому небосклону Советского Союза. Антикоммунистка со стажем, противник любых проявлений государственности. Известный борец против тоталитаризма и защитник всех убогих и угнетенных Валерия Старохатская стала известна в славные 80-е во время мятежа в Прибалтике. Впоследствии неоднократно привлекалась к уголовной ответственности. В 92-м году после провокационных выступлений в поддержку чеченских и грузинских сепаратистов ее квартира была разгромлена возмущенными гражданами. Сама Старохатская успела убежать от народного гнева и до недавнего времени активной политикой не занималась. Видимо, опять взялась за старое, если ее арестовали. О, как раз, по телевизору идет материал о митинге в Москве. Все понятно, давняя защитница бедных угнетаемых бандитов и фашистов взялась за старое.

Станислав не испытывал никаких чувств по отношению к этой фурии. Разумеется, ни один нормальный человек не мог сказать ничего хорошего в пользу чеченцев, особенно после того, что они устроили на Кавказе в 92-м году. Бандиты открыто убивали, насиловали и грабили. Начали вырезать русских. Но, с другой стороны, методы советского правительства, железной рукой усмирившего мятеж, тоже трудно было назвать популярными. После подавления мятежа генерала Дудаева все выжившие чеченцы были лишены гражданства и депортированы в Турцию. Но, если по-честному, лучше так, чем оставить тлеющий очаг. Раковую опухоль надо вырезать решительно и быстро.

Со своей стороны, турецкое правительство уже успело неоднократно пожалеть о своем решении приютить братьев-мусульман и изредка зондировало почву на предмет возвращения беженцев домой. Советская дипломатия оставалась непреклонной, раз дали приют – расхлебывайте сами. На новом месте «бедные борцы за свободу» быстро развернули рэкет, торговлю наркотиками и женщинами. Это была нация, генетически неспособная жить мирно, не обижая соседей. Все шло к тому, что скоро гордый чеченский народ получит очередной геноцид, на этот раз в Турции.

– Да как ты можешь говорить, что она псих! – от возмущения Витек побледнел. – Ты же не врач, ты не можешь ставить диагноз!

– Но ты же сам сказал!

– Когда?

– Ну, ты сказал, что Старохатская лечилась в психушке. – На лице Стаса читалось искреннее изумление.

– Так ее же лечили насильно, ее специально прятали в психушку, за ее убеждения.

– Гм, как я помню, социально опасных пациентов можно лечить насильно. – Стас еле сдерживался, чтобы не захохотать, его всегда умиляла наивность Витька. Вроде взрослый человек, а верит всем этим сказкам о бедных замученных злыми дядями из КГБ диссидентах. После августовского переворота в Союзе практически не судили за инакомыслие. Вот за разжигание национальной розни и призыв к вооруженному мятежу судили, особенно в начале 90-х годов. И правильно, нечего революции устраивать.

– Ладно, шучу я. – Станислав демонстративно поднял руки вверх. – Давай выкладывай, что ты там принес.

– После таких шуток... – неразборчиво буркнул Витек. – Сам же знаешь, что в этой стране никогда не было свободы.

– Ладно, ладно, извини. – Последнее утверждение Гоца было спорным. По мнению Стаса, в Союзе уже давно не было проблем со свободами. Число крупных политических партий пересчитывали на дюжину, печатались сотни газет на любой вкус, Интернет давал доступ к любой информации в любой части света. И с выездом за границу стало просто. Не то, что до Перестройки и августовского переворота.

– Я тут такую информацию надыбал. Да ты сам посмотри. В Монголии наша гэбня проводит опыты над людьми. – Витя положил на стол картонную папку на тесемках с надписью «Дело». – Здесь уникальные фотографии.

– Давай показывай эту уникальность. – Стас потянулся к папке.

– Оказывается, еще в 93-м году над Байкалом сбили НЛО, пилоты попали кагэбэшникам, и те проводят эксперименты над женщинами в Монголии. Они подсаживают им эмбрионы инопланетян! И смотри, что получается.

– Да, интересное фото, – протянул Стас, разглядывая вырезку из газеты, текст был на английском. И разочарованно положил обратно в папку, к точно таким же фотографиям младенцев. Разумеется, выглядели они ужасно: серая, похожая на оберточную бумагу кожа, низкий лоб, выпученные глаза. Обычные даунята, дети с синдромом Дауна. К сожалению, такие иногда рождаются, и на самом деле похожи на инопланетян, во всяком случае, какими их рисуют в уфологических журналах. Вот только ничего общего с НЛО синдром Дауна не имеет. Но объяснять это Вите дохлое дело. Если ему что-нибудь втемяшилось в голову, то это надолго. Лучше со всем соглашаться и не спорить. Спорить с Витей бесполезно.

5

Летчик. 1998 г

Эскадрилья «МиГов» с резким набором высоты на полной скорости выскочила из зоны действия ракет вражеских штурмовиков, оставшихся далеко позади. Судя по всему, противник и не помышлял о драке. Потеряв в скоротечном бою 7 машин, тяжелые тихоходные «Тандерболты», сбросив бомбы и ракеты, уходили на бреющем полете. Штурмовики прижимались к земле, стараясь скрыться от навалившейся на них эскадрильи истребителей. Да и не могут штурмовики тягаться с верткими маневренными фронтовыми истребителями. Другие у них задачи.

«МиГи» тем временем, быстро восстановив строй и оставив за хвостом удирающих «Тандерболтов», уходили прочь от линии фронта в глубь вражеской территории. Перед эскадрильей стояла более важная задача, чем охота за ударными группами противника. Жаль потраченных ракет, в боекомплекте у «МиГ-29» их всего 6. Но зато нашим танкам и мотострелкам, идущим в прорыв, будет легче. Высота 14 000 метров. По команде ведущего второе и третье звенья разошлись в стороны, образуя фронт в 80 километров. Курс юго-юго-восток, скорость 1600 км/ч. В шлемофонах летчиков звучит бодрый механический голос наземного командного поста: «До цели две минуты полета. Приготовиться».

Сергей привычно окинул взглядом приборы. Все в порядке. За фонарем кабины прямо по курсу чистое безоблачное небо, только чуть слева виднеются легкие перья стратосферных облаков. Далеко внизу под крыло истребителя убегает темно-серая скалистая равнина, местами, расчерченная желто-красными языками песков. Летим в тылу противника, но в стороне от войсковых колонн и прочих охраняемых объектов. Зениток можно не опасаться. Это хорошо, значит, основное внимание только на воздух. Гораздо хуже, когда приходится на сверхзвуке прорываться на бреющем через пробелы вражеской ПВО. Когда руки сводит от напряжения, перед глазами двоится от перегрузок, а самолет бросает из стороны в сторону, как пробку в море. И все только затем, чтобы, чуть поднявшись над землей, увидеть пикирующий прямо на тебя «F-15 Игл» и пару ракет по курсу. Далеко не каждый сразу сообразит, что надо не принимать лобовую атаку или, сбросив газ подныривать под противника, прямо под его пушку. А резким виражом уходить за ближайшую горку с одновременным отстрелом тепловых ловушек и выбросом дипольных отражателей и только затем набирать высоту и принимать бой.

Короткая команда комэска, и самолеты лезут еще выше, на отметку 17 тысяч, и опять горизонтальный полет. Кажется, что разреженный воздух не в силах удержать тяжелые машины, но зато так удобнее принимать бой, да и у радаров максимальный обзор. Луч радара неустанно ощупывает горизонт, но пока на экране только трое ведомых Сергея и в сорока километрах правее яркие отметки первого звена.

Полет нормальный, турбокомпрессоры с ревом загоняют разреженный воздух в камеры сгорания мощных двигателей. «Обнаружена цель», – звучит мягкий девичий голос системы звукового оповещения. Сергей скосил глаз на индикаторную панель. Точно, чуть левее курса на самом пределе дальности радара появились отметки. Это противник. Идут ниже «МиГов», скорость 800 км/ч. Все, начинаем бой. Сергей коротко сообщил командиру об обнаруженном противнике и сбросил скорость, позволяя товарищам перестроиться перед боем.

Включены все системы. Форсаж. Курс на перехват. Цели медленно ползут по экрану. Но это только иллюзия, на самом деле «МиГи» несутся с бешеной скоростью в два раза быстрее звука. Дистанция неотвратимо уменьшается с каждой секундой. Все. 50 километров до противника. Летчики распределяют цели. Вокруг отметки выбранного самолета противника вспыхивает красный кружок. Блокировка с оружия давно снята. Пальцы нежно поглаживают

кнопку. Пуск! Две ракеты «Р-27» срываются с пилонов. Самолет ощутимо вздрагивает. Полный газ! Выжать скорость до предела. На экране локатора рябит от отметок самолетов и ракет. Противник заметил атакующую эскадрилью «МиГов» и разворачивается навстречу. Поздно, поздно. Тяжелые ракеты уже захватили цель. Вдалеке прямо по курсу истребителей, вспыхивают яркие взрывы. Один, второй, третий... девять взрывов. Значит, девять вражеских машин превратились в обломки. Это хорошо, очень хорошо для пуска на предельную дальность. Каждый «МиГ-29» стрелял двумя ракетами, у комэска четыре. Всего 26 огнестрельных дьяволов «Р-27». Треть ракет нашла свою цель. Отличный результат.

Острый глаз Сергея разглядел приближающиеся темные точки. Вот они! Очнулись! Экран радара подернулся рябью помех. Быстро переключить режимы радара, включить фильтр. Так, лучше, нет – не то, совсем плохо. Вот так пойдет. Противник все ближе, судя по отметкам, это «F-16» «Фалькон». Опасный противник. Но в ближнем бою «МиГ-29» нет равных. Подеремся, проверим, что у них течет в жилах. Черт! Они стреляют! Ничего, идем на сближение, резкий вираж вправо, так что истребитель встает на дыбы. Ведомый молодец, уловил маневр и уходит с набором высоты. Включить «глушилку» и закрутить бочку, затем на пару секунд удержать машину горизонтально и резко штурвал на себя и газ плавно так выжать. Истребитель вздыбился носом к небу, «коброй» зависая на огненных струях реактивных двигателей. Перед глазами темное небо и яркие звезды. На такой высоте они видны в любое время суток. Ракета прошла мимо. Выровняться. Перед глазами мелькнул хвост потерявшей цель ракеты. В наушниках противный тонкий писк «Березы», системы оповещения о радарном облучении. Поворот влево и ускорение. Моторы довольно ревут, сжигая в топках керосин.

Вот он, гад! Прямо перед носом «МиГа». Лазерный луч нацеленного целеуказателя впился в силуэт вражеского самолета. Пальцы автоматически нажали на пуск. На такой дистанции невозможно промахнуться. Достаточно и одной ракеты. Так и есть. Противник бросил свою машину в крутое пикирование, пытаясь стряхнуть с хвоста русскую ракету. Но тщетно, инфракрасная головка самонаведения ближней ракеты «Р-73» надежно захватила цель, через десять секунд под правым стабилизатором «F-16» полыхнуло огнем. Взрывом напрочь оторвало стабилизатор и перекорежило сопло двигателя. Все, этот больше не жилец. Отлетелся!

Не расслабляться, в ушах звучит крик о помощи – Петьке Дубинину зашли в хвост два «F-16» и сосредоточенно поливают огнем из пушек отчаянно маневрирующий «МиГ-29». Легкий доворот штурвала, и противник всплывает в кружок нацеленного прицела. Короткая очередь, от черного корпуса истребителя отлетают куски обшивки, из пробоины за фонарем кабины выглядывает язычок пламени. Этот тоже готов. Принимайте жареного сокола! В это время ведомый Сашка Хохол расправляется со вторым противником. Прямо перед носом машины Сергея проносится трассирующая очередь. Не думая, на одних инстинктах дернуть штурвал в сторону, уходя от противника. В ушах тревожно звучит голос системы предупреждения. Машина чуть не свалилась в штопор, и только бортовая ЭВМ удержала истребитель горизонтально. Противник проносится мимо, выискивая жертву, но напарывается на ракету на встречном курсе. Взрывом отрывает крыло, и самолет, беспомощно кувыркаясь, падает.

Оглядеться по сторонам. Короткий взгляд на приборы и локатор. Наших осталось только девять. Витка Горелов потерял ведомого, еще завалили двоих из третьего звена. Но охранение сбито. Шесть «F-16» превращены в обломки, еще один отбивается от Димы и Валеры. Все. Конец охоты. Короткая очередь, и последний противник валится в штопор, в сторону отлетает половина крыла.

Во время боя потрачены почти все ракеты. Боекомплект пушек исчерпан на треть, но цель рейда близка. Перестроившись, самолеты рванули вперед. Вдогонку за удирающим стратегическим бомбардировщиком «В-2А» «Спирит». Летящий линкор, почти невидимый для радаров, с ядерными ракетами со спутниковым наведением в бомбоотсеках, «Спирит» нес

смерть идущим в прорыв советским танковым дивизиям. Перехватить и уничтожить, любой ценой.

На экранах радаров сплошное «молоко», противник борется за свою жизнь, забивая эфир помехами и радарными фантомами ложных целей из дипольных отражателей. Но это его не спасает. Среди сплошной пелены помех компьютеры «МиГов» выделили четыре отметки истребителей сопровождения, окружающих смазанный, почти незаметный отпечаток «Стелса». Истребители идут на предельной скорости. 2400 км/ч. Противник все ближе и ближе. 30 км. 25 км. 20 км. Головки самонаведения ракет уже захватили цель и только ждут команду «Пуск». Глаз уже различает широкий, серпообразный, напоминающий летучую мышь силуэт «Спирита» и две пары «Иглов». Четыре эскортных истребителя разворачиваются, готовые до конца выполнить свой долг. Или скорее погибнуть с честью. Девятке «МиГ-29М» они на один зуб.

Писк «Березы», яркие отметки на радаре, короткие экономные очереди, маневры на пределе прочности машины. Сергей и не заметил, как небо очистилось от вражеских истребителей. Теперь только догнать и расстрелять «Стелс» оставшейся ракетой.

«Сзади!» – прозвучал истошный крик ведомого, и следом писк «Березы». Резкий поворот с торможением, разворот. Сначала действовать, потом думать, те, кто поступает иначе, долго не живут. Взгляд влево. Ствол пушки, как привязанный, следует за нацеленным целеуказателем. Огонь. Промач. Еще очередь, еще. «МиГ» вертится, словно уж на сковородке, повторяя все маневры противника. Есть! Точно в кабину. Черт побери! Их 14, и свалились, как снег на голову. За машиной Сергея увязалась ракета. Рывок в сторону и отстрел ловушек. Ушел!

Над головой мелькнул раздвоенный хвост «Игла», легкий плавный доворот элеронами и огонь. Под крылом осталась последняя ракета, но это для «Спирита». В наушниках сплошной дикий мат. Строй давно сломан, каждый дерется сам за себя.

Сергей на мгновение вырвался из карусели боя. На горизонте темный силуэт бомбера. Форсаж! Верная машина прыгнула вперед, разгоняясь. Скорость все 2500 км/ч. Это предел. Даже почти без боеприпаса с половиной запаса топлива. Но этого хватит. У «Стелса» не больше 900 км/час, и маневренность, словно у мясницкой колоды. На радаре перед машиной почти ничего не видно. Только тепловизор удерживает направление на сопла противника. Впрочем, Сергей сам, вырвавшись из боя, оставил за собой два облака дипольных отражателей. На всякий случай. Цель ближе и ближе. Головка ракеты уже захватила цель. Перед глазами в кольце прицела застыл плоский, как скат, бомбардировщик. Все. Огонь. Ракета срывается с пилона и уносится вперед, Сергей, не торопясь, следует за «Спиритом», подсвечивая его лазерным прицелом. Есть попадание! Тяжелый бомбардировщик вздрагивает от взрыва и плавно кренится на левое крыло. В этот момент в наушниках раздается истошный визг «Березы», и все. Темнота.

Сергей раздраженно сорвал летный шлем и вытер пот со лба. Над головой тускло светила красная лампочка. Поперек индикаторной панели мигала яркая надпись «Вас сбили ракетой». На панорамном экране застыл «Спирит». До ушей доносились приглушенные матюги, видимо, выжившие ребята еще продолжали бой. Часы показывали 14.37. Тренировка длилась больше часа. Сергей неторопливо открыл боковую дверцу и выбрался из тренировочной кабины. В глаза ударил яркий свет люминесцентных ламп.

– Ну что? Сколько сбил?

– Боезапас успел расстрелять?

– Как там Витька? Еще живой?

– Цель догнали? – со всех сторон посыпались вопросы. Сергей молча отмахнулся от любопытных и поплелся к ближайшему стулу. Его шатало, как пьяного. Ребята, понимая его состояние, оставили его в покое и двинулись к только что выбравшемуся из кабины Саше Хохлу.

Сергей плюхнулся на стул и с наслаждением вытянул ноги. Вроде простая тренировка на тренажерах, а устал, как после реального полета. Правильно говорит комполка: тренировка в условиях, максимально приближенных к боевым.

Большую часть учебного зала занимали 12 имитационных кабинок, представлявших собой кабины самолетов, поставленных на специальные рамы. Сейчас восемь из двенадцати кабин были пусты. Оставшиеся четыре с гудением качались из стороны в сторону. Специальные рамы с гидроприводом обеспечивали динамическую нагрузку до пяти G и почти полную иллюзию реального полета. Плоские плазменные экраны и особая программа имитации создавали почти абсолютное подобие настоящей кабины летящего самолета.

В дальнем углу на специальном возвышении за широкоэкранными мониторами сидели командир полка и командир первой эскадрильи, исполнявшие роль инструкторов. Именно от них зависела большая часть каверз, обрушивавшихся на головы летчиков во время «полета». А комполка любил гонять летчиков на грани человеческих возможностей. Вскоре инструкторы поднялись со своих мест. Тренировка закончилась. Пять минут на личные дела и построение в спортзале.

Разбор полетов прошел быстро. Командир не заострял внимание на отдельных незначительных ошибках. Тренажеры – это всего лишь тренажеры. Они, несмотря на все ухищрения конструкторов, не дают полной стопроцентной замены реальному полету, хотя незаменимы при отработке действий в ближнем бою. И неслучайно инструкторы доводили занятия до гибели не менее двух третей машин. Видимо, таким образом командование стремилось приучить летчиков к потерям и выработать способность любой ценой выполнять поставленную задачу.

Первые, еще несовершенные одиночные тренажеры появились в 93-м году. И только в специальных экспериментальных частях. Сейчас сделанные по последнему слову техники тренажерные классы на 12 или 16 кабин имелись почти во всех истребительных полках. Командование уделяло занятиям на тренажерах не меньше внимания, чем реальным полетам. Правда, не обходилось без накладок и ляпов. К примеру, все тренажеры делались под истребитель «МиГ-29М» с большим, чем у реального самолета, боекомплектом. В то время как промышленность оснащала армию в основном машинами марок «Су-27» и «Су-35», а старые «МиГ-29» и «МиГ-29М» переделывались по варианту СМТ. На вооружении 41-го иап, в котором служил Сергей, стояли модернизированные «Су-27», пилотирование и боевые возможности которых отличались от «МиГ-29». Два года назад летчики полка во время приезда командующего 1-й воздушной армией задали вопрос о новом тренажере. Командарм обещал разобраться, но воз и ныне там. Конструкторы до сих пор не могут разработать новый учебный комплекс, хотя, казалось бы, минимум работы. Заменить кабины и изменить программное обеспечение. Видимо, в генштабе просто не хотят тратить деньги и надеются на авось. Вдруг через десять лет появится новая машина.

Сразу после построения, летчиков второй эскадрильи распустили до следующего утра. Делать было нечего. В принципе, можно смотаться на попутке в город или поиграть в офицерском клубе на бильярде. Но Сергею после сегодняшней тренировки не хотелось никуда ехать и тем более идти в шумный прокуренный клуб. Хотелось просто побыть одному, пойти домой почитать книжку (два дня назад он прикупил свежий роман Лукьяненко, но до сих пор не было ни желания, ни времени читать) или взять удочки и посидеть на берегу тихой речки в паре километров от военного городка.

Но первым делом зайти домой, а затем в столовую на ужин. Поблизости от офицерского клуба Сергея догнал Витя Чернов.

– Серж, ты куда убежал? Ребята собрались в город. На дискотеку. Поехали!

– Сегодня же среда?

– Правильно, среда, – Витя улыбался во весь рот, – в «Фонтане» техновечеринка. Забыл?

– Ладно, поехали, – недолго думая, Сергей обреченно махнул рукой, все равно ребята не отстанут, – только забегу домой форму погладить.

– Пошли, я сам в Дом офицеров, переодеться. Не забудь орден нацепить.

Новенькие ордена «Славы» были особой гордостью Сергея и Виктора и тайной завистью всего полка. Короткая командировка в Среднеазиатский военный округ, один боевой вылет, и через две недели после возвращения командир дивизии самолично повесил им ордена на грудь. Только Сергей и Виктор знали, сколько нервных клеток стоил им этот вылет. На полный радиус, над горами, через сеть пакистанской ПВО. Перед вылетом проводивший инструктаж полковник в шутку заметил, что если собыют, шансов на выживание почти нет. Моджахеды их живьем сожгут.

Сверкающий свежей зеленой краской «ГАЗ-66» остановился у городского парка. Летчики быстро выпрыгнули из тентованного кузова и, помахав вслед подбросившему их до города интенданту, веселой шумной гурьбой двинулись к ближайшей палатке. Времени до вечера было навалом. Можно спокойно попить на парковой скамейке пивка, пошататься по городу, заглядываясь на встречных девушек, заскочить в кино. А затем, уже после десяти вечера, идти в «Фонарь». Как выразился Витя Чернов, «беситься до утра». Все летчики были молодые, холостые, и предложение отрываться до утра было принято на «Ура». Гулять, так гулять! И пусть потом на утреннем построении комполка неодобрительно смотрит на красные глаза невыспавшихся летчиков. Все равно завтра полетов не будет. А значит, сегодня эскадрилья гуляет. Саша Прошунин совершенно точно выяснил в штабе у знакомой телефонистки, что на завтра им запланировано изучение матчасти.

Соскучившись по свежему пиву, ребята наперегонки бросились к расположившемуся прямо у главного входа в парк летнему кафе. Парусиновый тент, полдюжины пластмассовых столиков, темные пятна на асфальте, стойка бара с неопрятной девицей и самое главное: свежее бочковое пиво! Только сегодня привезенное из Хабаровска! Разве можно его сравнить с пастеризованной бутылочной жидкостью?! Нет, настоящие мужчины пьют только бочковое. Саша успел первым добежать до стойки и, размахивая червонцем, потребовал от продавщицы наполнить «бокалы». Что и было исполнено.

Через пару минут летчики, сдвинув пару столиков, наслаждались холодным пенистым напитком из настоящих выщербленных и потрескавшихся стеклянных кружек. В этом кафе плебейская пластиковая тара была не в почете. На закуску взяли пакетики владивостокского сушеного кальмара, креветок в этой точке не подавали.

– Жизнь хороша, и жить хорошо, – приглушенно рыгнув, протянул Витя Чернов после очередного глотка.

– Такие молодые и красивые, а уже мамы, – разочарованно заявил Петро и помахал кружкой двум девушкам, неторопливо толкавшим детские коляски в десятке метров от пивной. Плотненькая девица с копной рассыпавшихся по плечам ярко-рыжих волос и выпиравшим из тоненькой блузки бампером пятого размера громко прыснула и, повернувшись к подруге, что-то оживленно стала ей рассказывать. После чего обе молодые мамы залились задорным смехом. Из коляски донеслось недовольное гуканье, и рыжая, всплеснув руками, бросилась успокаивать проснувшееся чадо.

За городом раздался низкий протяжный гудок тепловоза, сменившийся тихим приглушенным перестуком колес тяжелогруженного состава. Трое солидного вида мужиков в галстуках за соседним столиком исподтишка подливали в свое пиво водку. При этом ежесекундно оглядываясь и пряча чекушку под стол. На одиноком стуле у барной стойки развалился здоровенный черный с белым котище и невозмутимо наблюдал за этим безобразием. Ближайший к бару товарищ бросил коту кусок вяленой тараньки. Котище недовольно дернулся и брезгливо столкнул рыбу со своего стула. Видимо, он уже привык к сердобольным посетителям, пытающимся накормить честного кота всяким непотребством.

Сергей с сожалением рассматривал свою кружку. На дне оставалось только немного пены. Хорошо сидим. Жаль только – мало. Или еще по одной? Первым общую мысль высказал Саша Прошунин:

– Товарищи гусары, перед нами стоит дилемма: остаться в этом гостеприимном кафе и разнести весь город, или пойти гулять и заодно помочь советскому правительству повысить рождаемость.

Шум и восторженные возгласы однозначно одобрили второй вариант. Во всеобщем гуле и дружеском ржанье потонуло здравое рассуждение Чернова, что вряд ли командование ближайшие девять месяцев перебросит авиаполк на другой аэродром. Посему следует сдерживать энтузиазм в деле улучшения демографической ситуации. С перевесом голосов пять против одного было принято решение гулять. В крайнем случае, в городе существует, еще несколько уличных кафе, три гриль-бара, один ресторан и два ночных клуба. Не стоит заикливаться на первом же встретившемся заведении.

Переяславка, несмотря на свой статус города, была скорее большим селом. Узкие улочки, местами заасфальтированные, частные одно- и двухэтажные домишки, полдюжины обшарпанных пятиэтажек в центре, гуси и утки в протянувшейся через город цепочке запруд, железнодорожная станция, мебельная фабрика, лесопех, хлебопекарня, два десятка артелей – вот и все на двадцать тысяч человек местного населения. Ну, еще памятник Ленину в центральном парке, в данный момент укоризненно взиравший на компанию молодых офицеров, громко решавших великий вопрос бытия: «Куда пойти?». Бурное обсуждение закончилось компромиссным решением обойти весь город. Во-первых, это несложно, во-вторых, на часах только начало седьмого, а в «Фонаре» раньше десяти делать нечего.

Двое невысоких мужичков в пыльных спецовках и с ярко выраженной монголоидной внешностью резво свернули на боковую улочку, счастливо избежав встречи с летчиками. Нашествие китайцев стало головной болью всего Дальнего Востока. После событий 96-го года, когда в тайге были обнаружены целые поселения нелегальных эмигрантов, командование Дальневосточного военного округа решило помочь милиции в решении этой проблемы. Солдатам и офицерам выплачивалось по десять рублей за каждого доставленного в военную комендатуру китайца с просроченной визой или без оной. Уже в первые месяцы после принятия столь экзотической меры число непрошенных гостей снизилось до приемлемого уровня. А в армейской среде возник новый источник дохода и выражение: «нашибать желтеньких».

Не обходилось без эксцессов. В 96-м при разгроме «малины» нелегальных эмигрантов пришлось применять оружие и вертолеты. А в прошлом году произошла история, над которой хохотал весь Союз. В один прекрасный день в Уссурийске в военную комендатуру сержант и ефрейтор базировавшегося под городом мотострелкового полка притащили трех упиравшихся и громко ругавшихся по-китайски желтолицых. Обычное дело, сдав под расписку задержанных и запихнув их в камеру, солдаты удалились. Попав за решетку, китайцы не успокоились и на ломанном русском требовали консула. Старшего лейтенанта, решившего объяснить задержанным правила поведения в камере, поразили дорогие, сшитые на заказ костюмы и золотое кольцо с крупным камнем на пальце старшего китайца. При разборе полетов выяснилось, что в кутузку попали крупные бизнесмены, приехавшие в Уссурийск на предмет деловых переговоров по поставке китайского ширпотреба. Утонувшие в водовороте бюрократической рутины гости забыли продлить срок пребывания, и в одно прекрасное утро на выходе из гостиницы их остановили двое военнотружеников и попросили предъявить документы, а ознакомившись с таковыми, предложили проследовать «до выяснения». Китайцев подвело элементарное незнание психологии. Вместо того, чтобы тихо откупиться, они стали угрожать солдатам карами и жалобами в посольство. Итог был ясен. Еще одной ошибкой была попытка сопротивления. Может, в Китае кун-фу и эффективно, но против простого «кулаком в торец» азиатская экзотика не действует. После всех разбирательств китайцы были доставлены в бли-

жайшее отделение милиции, где им принесли извинения и продлили визы. А прославившиеся сержант и ефрейтор получили свои тридцать рублей. Все честно, по закону. Нечего визовый режим нарушать. Впоследствии в «Комсомольской правде» появилась издевательская статья. Дескать, какие китайцы дешевые: всего два доллара за штуку, в Штатах в былое время скальп индейца и то был дороже: целых пять долларов.

Компания неторопливо двигалась по узенькой улочке. Дима Никитин громко рассказывал очередной анекдот:

– Приходит коммерсант в магазин покупать нательный крестик...

Старушки, лузгавшие кедровые орешки на заваulinке, провожали веселящихся летчиков неодобрительными взглядами. Старый «Жигуль», пронзительно сигналя, полз следом за компанией, пока его не заметили и не уступили дорогу.

– ...То же самое! Но без гимнаста! – под оглушительный хохот закончил Никитин.

– Значит, поручик Ржевский танцует с дамой... – подхватил эстафету Витя.

Неожиданно внимание Сергея привлекли две девушки у киоска «Мороженое». Полненькая круглолицая курносая типичная сибирячка что-то эмоционально рассказывала задумчиво созерцавшей витрину подруге. Сергей судорожно сглотнул подступивший к горлу комок. Боже мой! Стройная, загорелая, длинноногая богиня в коротеньком красном платьице, по случайной прихоти покинувшая Олимп ради заштатной Переяславки. Девушка, недовольно морща носик, разглядывала выставленные под стеклом этикетки, золотистые волосы застывшей волной рассыпались по плечам, длинные музыкальные пальцы теребили ремешок элегантной сумочки. Небо над головой закружилось. Сергей невольно остановился и зажмурил глаза, досчитал до десяти и открыл глаза. Нет, наваждение не исчезло. Это была она – единственная и неповторимая, богиня, голубая мечта любого мужчины. Машинально протерев рукавом орден, Сергей пружинящим шагом направился к киоску. Красавица и ее спутница спорили, какое мороженое брать: обычное эскимо или с фруктовой начинкой. Поразившая сердце бравого авиатора богиня склонялась к эскимо. Сергей протянул в окошко трешку:

– Три эскимо, пожалуйста. Нет, «Сибирское».

– Девушки, разрешите вас угостить.

– Ой! А зачем?!

– Просто так. Случайно услышал обрывок вашего разговора и взял на себя смелость помочь вам с выбором.

– Странные летчики ныне пошли, – смущенно улыбнулась богиня, поправляя спавший с плеча ремешок сумочки. – Не поверю, что просто так.

– От чистого сердца! – Сергей расплылся в улыбке, одновременно протягивая девушкам эскимо.

– Светка, угощайся! Твое любимое, «Сибирское». – Полненькая быстро сориентировалась в ситуации и почти выхватила из рук Сергея покрытую инеем упаковку.

– Значит, вас зовут Света? А я Сергей.

– Очень приятно. А вы всегда так знакомитесь с девушками? – бездонные синие омуты глаз пронзили сердце и обдали огнем.

– Нет, но сегодня такой необычный день. – Слова словно примерзли к языку, мозг лихорадочно искал подходящие фразы, никогда раньше такого не было.

– И что в нем необычного?

– Ну, хороший вечер, хорошая погода, и самое главное, самая красивая девушка в мире.

– А ты уже видел весь мир? – влезла в разговор полненькая.

– Нет, но я уверен: лучше и прекраснее Светы никого на свете нет. Впрочем, разрешите вас проводить?

– А мы никуда и не идем. Ну... – Света легким движением поправила прядь волос, закрывавших лицо.

– Тогда, может быть, вы покажете мне ваш город, а то я не здешний. Затем посидим в ресторане. Я слышал, там хорошее меню. – Отчаяние придало силы и уверенность.

– Нет! Что вы! Никуда мы не пойдем. – Света застенчиво опустила глаза, нервно теребя ремешок сумочки. – Мы с вами совершенно не знакомы.

– Но иначе мы с вами не познакомимся. Поверьте, Света, это будет трагедией.

– Нет, не сегодня, вас уже друзья заждались. – Света коротко кивнула в сторону столпившихся на середине проезжей части летчиков.

– Но я могу надеяться? Может, в субботу, в шесть в парке у Ленина?

– Сергей, не обижайтесь, Вы, конечно, хороший человек, но так сразу... Ну ладно, приходите.

– Я надеюсь на встречу, я буду ждать. Вы такая, такая... Такая восхитительная. Просто слов не нахожу. – Кивнув на прощанье, Сергей развернулся и направился к замершим в ожидание друзьям. Как обычно, все испортил Витька, разразившийся громкими аплодисментами. Убить за такое мало!

Рваные «кислотные» ритмы били по ушам. В заполненном танцующей молодежью зале было душно. Хаотично мечущийся лазерный прожектор вырывал из темноты извивающиеся тела, искаженные лица. Техновечеринка в «Фонаре» не представляла собой ничего особенного. Другое дело, что на безрыбье и рак рыба. Или «рыбу раком», – как скаламбурил Дима Никитин. Но прошлогодние хиты устраивали неприятную публику. Пиво в баре расходилось, несмотря на ресторанную цену. Пять рублей за бутылку «Балтики»! Неслыханно! Раскрасневшиеся от духоты летчики лихо отплясывали с местными девчонками, попутно зондируя почву на предмет продолжения тет-а-тет. Пару раз местные хлопцы устраивали драки. Их быстро успокаивали. Сергей не обращал внимания на эти мелкие эксцессы, их не трогали, и ладно. Витя Чернов увел в уголок аппетитную шатенку и что-то ей рассказывал. Правда, непонятно, как ему это удавалось: музыка гремела так, что даже в ухо невозможно было докричаться. Сергей случайно бросил взгляд в сторону выхода. В дверях мелькнули Света и ее подруга. Значит, они здесь! Надо бы догнать, может, второй раз получится не так скомкано. В этот момент Саша Прошунин, повернувшись к Сергею, поднес два пальца ко рту и энергично кивнул в сторону выхода. «Пойдем, покурим». Сергей кивнул в ответ и начал пробираться к двери, лавируя между танцующими.

На крыльце в лицо пахло приятной ночной свежестью. Конец августа, ночами уже прохладно, но разгоряченные молодые люди это не чувствовали.

– Нормальный дискач, классный отрыв – громогласно заявил вывалившийся следом Саша. Сергей механически кивнул, в ушах еще гремел рейв, а глаза сканировали окрестности в поисках девушек. У входа в клуб тусовались группки молодежи, мелькали огоньки сигарет, по пластиковым стаканчикам разливалась водка. В самом «Фонаре» не продавалось ничего крепче пива. Охранник в белой рубашке снисходительно не обращал на это безобразие никакого внимания. Сергей еще раз огляделся по сторонам. Девушки исчезли. Но он явно видел, что они выходили из клуба. Ошибки быть не могло.

Пятерка кавказцев в кожаных куртках, за минуту до офицеров покинувшая дискотеку, скрылась ближайшим за углом. Медленно спускаясь с крыльца, Сергей закурил. Надо было что-то делать. С одной стороны, уже поздно, и девушки могли просто уйти домой, но с другой стороны, на душе было беспокойно. Сергей привык доверять предчувствиям. Глубоко затянувшись, он двинулся вдоль забора, туда, куда свернули хачики.

– Сергей, ты куда? – Саша последовал за товарищем. Вдруг ночь разорвал пронзительный визг и последовавший за ним вопль:

– Уйди, урод!

Сергей, не раздумывая, рванул вперед. Свернув за угол, он увидел девушек, окруженных хачиками. Света, пронзительно визжа, отбивалась от двоих черных, еще один заламывал руку

Марине. Двое, возбужденно жестикулируя, комментировали происходящее, готовые в любой момент присоединиться к своим товарищам. При виде ублюдка, схватившего Свету за волосы, кровь ударила Сергею в голову. Он за секунду молча преодолел разделявшее их расстояние и в прыжке ударил ногой в противную оскалившуюся садисткой ухмылкой носатую небритую морду. Приземлился и коротко ударил кулаком оказавшегося рядом хачика. Тот ловко отскочил в сторону.

– Эй, дорогой, постой, поговорим, да? – Кавказцы слишком быстро оправились от неожиданности и, отпустив девушек, разойдясь в стороны, приближались к Сергею и подоспевшему Саше. Правда, врагов осталось только трое. Один, сбитый Сергеем, ворочался в луже, пытаясь подняться, а еще один после короткой встречи с Сашей Прошуниным, прислонившись к забору, баюкал вывихнутую руку.

– Зачем дерешься? Дэвок хочешь, да? Мы поделимся. – Перед глазами мелькнуло лезвие ножа. Хачики дружно бросились вперед. Сергей был готов к подобному развитию событий.

Те, кто думает, будто летчиков не учат рукопашному бою, сильно ошибается. Подготовка военных летчиков включает в себя нехилый курс школы выживания, а рукопашный бой осваивается не хуже, чем в ВДВ. Летчик, сбитый за линией фронта, в большинстве случаев может рассчитывать только на себя. Прилетит спасательный вертолет или нет, еще бабушка надвое сказала, а армия тратит на подготовку летчиков слишком много средств, чтобы позволить им просто так погибнуть или попасть в плен. Регулярные изнуряющие марш-броски с полной выкладкой, тренажеры, рукопашный бой не реже четырех раз в неделю. Периодически учебная выброска. Это когда человека сбрасывают на парашюте над тайгой или пустыней. С собой только табельный «Макаров», фляжка с водой, полкило пищевых концентратов, фонарик, аптечка, компас и карта. И надо сориентироваться на местности и добраться до ближайшей военной базы. Это и есть советская школа выживания.

Сергей легко отклонился назад и отступил в сторону, уходя с линии удара, затем перехватил руку с ножом. Ладонь плавно скользнула по руке до локтя, последовал жесткий захват и рывок. Завернув руку за спину шипящего от боли хачика, Сергей резко толкнул его на подоспевшего справа противника. По идее, руку, поднявшую оружие на русского офицера, следовало сломать, но ладно. Простим. Вместо этого Сергей перенес вес своего тела на левую ногу и ударил правой стопой сверху вниз, прямо под колено, добавляя к силе удара все свои восемьдесят килограммов. Прозвучал ясно слышный хруст, сменившийся сдавленным воплем. Второго противника Сергей вырубил коротким ударом локтем в голову.

Четыре тела покоились на земле. Саша деловито дул на костяшки пальцев, видимо у его противника оказался слишком жесткий череп. Пятый хачик с вывихнутой рукой поспешил убраться, не дожидаясь, когда на него обратят внимание.

– Падла, сволочь, ты мне нога сломал. Зарэжу. – Кавказец пришел в себя и сейчас сидел на земле, обхватив обеими руками ногу. Сергей пнул его в лицо, чтобы не ругался и, встав над распростершимся на земле телом, спокойным бесцветным тоном, как его учили психологи, произнес:

– Еще встречу, убью.

Пару минут постоял, раздумывая: еще, что ли, добавить? Хачик не шевелился, тогда Сергей поддел носком ботинка валяющийся на земле нож и зашвырнул его в заросли сирени.

Бледные зареванные девушки стояли, прижавшись друг к другу. Подчиняясь нахлынувшей на него волне нежности, Сергей обнял Свету. Только сейчас она дала волю слезам. Сергей, как мог, старался ее успокоить. «Ну, Света, Светочка, все позади. Милая, успокойся, все, все прошло. Посмотри, они уже никому ничего не сделают». Постепенно девушка успокоилась. Сергей и Саша клятвенно заверили подружек, что проводят их до дома. Разумеется, это устраивало всех. У встретившейся по пути уличной колонки девушки привели себя в порядок. Мужчины деликатно отвернулись. Затем они долго гуляли по ночному городу. Сергей

рассказывал о себе, про свой полк, о своем родном Пскове. Вспоминал приключившиеся с ним или его знакомыми смешные истории. Оказалось, что Света родилась и выросла в Переяславке, но училась в Хабаровске, на экономическом отделении политеха. Перешла на второй курс. Летние каникулы провела дома у родителей, а через неделю уезжает в Хабаровск. Здесь, в Переяславке, летом весело, школьные друзья, грибы и ягоды в тайге, дискотеки. У родителей свой колбасный цех, дела идут хорошо, папа собирается расширить производство и наладить выпуск консервов. Старший брат, Андрей – офицер, служит на тихоокеанском флоте, на эсминце «Буйный». Младшая сестренка Катя еще учится в школе, готовится к поступлению в медицинский институт.

Сергей вспомнил, как в детстве вместе с дворовыми мальчишками лазил по кремлю в поисках сокровищ, ничего не нашли, только у его братишки Жени хранился найденный штык времен отечественной войны. Марина живет здесь, работает на железнодорожной станции. Сегодня девчонки спонтанно решили зайти в «Фонарь», но там к ним начали приставать кавказцы. Знакомых парней рядом не оказалось, и подруги решили уйти. Дальнейшее было известно. Они еще долго беседовали, обменялись телефонами и адресами, договорились о следующем свидании.

Проводив девушек по домам, Сергей и Саша поймали такси и доехали до военного городка. Возвращаться в «Фонарь» не было смысла. На КПП они узнали у часового, что из всей компании вернулись первыми, а между тем небо на востоке уже светлело. Значит, остальные тоже провели вечер не зря.

6

Новая работа. 1998 г

Стив Грегори вел истребитель над морем. Высота 20 тысяч футов, скорость 550 узлов. Разведывательный «F-16» неторопливо наворачивал круги южнее пролива Отранто, выполняя поиск конвоя, идущего в Югославию. Стив не мог понять, как идиоты 11-го авиакрыла умудрились упустить русский конвой в районе Крита? И зачем было вместо того, чтобы обеспечить плотное сопровождение конвоя, ждать его по дороге. Но штабным шишкам виднее. Таково большинство разведывательных заданий: неторопливый полет над заданным районом, вместо боевых ракет подвесные контейнеры со всякой электронной всячиной, ценой в целое авиакрыло. И чаще всего нулевой результат. Только прыгающие перед глазами блики, отображаемые неторопливо катящимися волнами, малотоннажные траулеры, волокущие свои сети, и сильное, непереносимое желание курить.

Внизу сквозь волны мелькнул вытянутый силуэт подлодки, лежащей на перископной глубине. Это «Майами», она, как и Стив Грегори, ожидает прохождение русского конвоя. В сотне метров от подлодки ползет траулер. Его команда, видимо, и не подозревает, что плывет над атомным подводным истребителем в восемь тысяч тонн водоизмещения. На востоке из моря поднимаются скалы острова Керкира. Это уже Греция, территориальные воды. На предполетном инструктаже рекомендовали без необходимости не нарушать греческую границу.

Рация ожила, и простуженный голос центра управления Таранто поинтересовался обстановкой. Коротко доложив ситуацию, Стив получил в ответ пожелание надрать задницу русским и предложение промочить после полета горло в одном известном заведении в окрестностях аэродрома. Машина плавно поворачивала на юг, до конца дежурства оставалось еще 87 минут. Затем Стива сменит Джоб Джерри. Низенький коренастый негр, пардон, афро-американец, с покатым, будто у гориллы, лбом и массивным, похожим на картофелину носом служил постоянным объектом дружеских шуток сослуживцев. В отличие от многих низкорослых людей, Джоб не обижался на подтрунивание и сам любил подшутить над ребятами. Чего стоил хотя бы портрет первого лейтенанта Алиссона, наклеенный на ракету «Сперроу» под крылом «F-16», на котором Генри Аллисон должен был лететь. Вся эскадрилья ухахатывалась, тем более накануне Алиссон за кружкой пива в баре, глядя в сторону второго лейтенанта Джоба Джерри, во всеуслышанье заявил, что настоящий солдат должен одним своим видом вызывать у противника ужас и дрожь в коленках, а такой карлик, как Джерри, даже ребенка не напугает. Джоб на это только улыбнулся, а вскоре исчез из бара. Утром стало понятно, куда он пропал. С тех пор Алиссона в авиакрыле все звали Ужасным. Иногда Великим и Ужасным.

Солнце постепенно склонялось к западу. Стив от скуки насвистывал себе под нос мотивчик из «Криминального чтива», хотелось курить, перед глазами катились бесконечные волны Средиземноморья. Зевнув во весь рот, Стив Грегори от души пожелал провалиться в преисподнюю этим чертовым русским, из-за которых он болтался над морем, вместо того чтобы, к примеру, потягивать пиво в баре или развлекаться с ночными девицами. Выругавшись от всей души, Стив рассеянно провел взглядом по приборной панели, и очередное пожелание застыло у него на языке. На радаре среди блесков траулеров появилась новая отметка. Быстроходное, 24 узла, судно направлялось прямо к проливу. Может быть, прогулочная яхта какого-нибудь миллионера (развелось их, как собак нерезаных) или катер контрабандистов. Впрочем, для катера или яхты судно было великовато, не менее 8000 тонн водоизмещения. Разве что яхта элит-класса, но таковых в Средиземноморье всего несколько штук, и вряд ли одна из них именно сегодня идет в Адриатику. Стив немедленно связался с Таранто и доложил обстановку.

Центр управления посоветовал сблизиться с подозрительным судном, но при этом не покидать район патрулирования.

Умники чертовы! Стив и без них знал, что ему делать, но промолчал. В глубине души он даже сочувствовал офицерам из Центра управления полетами, по инструкции они были обязаны прореагировать на изменение оперативной обстановки, но в то же время не могли без уважительной причины оголить зону дежурства. Случись что, дежурный окажется крайним. К счастью, судно держало курс прямо навстречу самолету Стива. Оставалось только ждать.

Вскоре на горизонте возник серый, сливающийся с волнами силуэт быстроходного военного корабля. Расстояние уменьшалось с каждой минутой. Прилизанные обтекаемые невысокие надстройки, скошенный острый форштевень, режущий волны, как нож масло, массивные короба пусковых установок под крыльями мостика, две оружейные башни перед носовой надстройкой. Безусловно, это был «Балком-3», русский фрегат новейшей постройки. Опасный противник, его суперсовременный ГАК на сверхдлинных волнах обнаруживает любые подводные объекты. Восемь ракет-торпед «Раструб-Б» одинаково хорошо способны топить как субмарины, так и надводные корабли, кроме того, у него на вооружении реактивные бомбометы и торпедные аппараты. Поисковый радар с фазированной антенной решеткой может обнаруживать воздушные цели на дальности до 300 км. У Стива пробежали мурашки по коже, когда он понял, что давно находится на прицеле у русских. Стоп. А почему молчит антирадарная система истребителя? Только сейчас Стив Грегори сообразил, что русский идет с выключенным радаром. Проклиная себя за забывчивость, он включил аппаратуру и связался с центром управления:

– Обнаружен фрегат «Балком-3», курс на 11 часов, скорость 24 узла. Прошу дополнительных указаний.

– Продолжайте патрулирование, – после минутного размышления отозвалось Таранто, – ищите конвой.

«Нашлись умники на мою голову! Идиоты в подгузниках! Куда этот затраханный конвой денется?! Все равно он идет через пролив», – сквозь зубы выругался Стив, предварительно отключив передатчик. Не дай бог, услышат. Потом придется извиняться перед штабными умниками. Настроение с самого утра было омерзительным, на прошлой неделе умер дядя Фред, а командование отклонило просьбу об отпуске, хотя видимой причины не было. Пришлось ограничиться телефонным звонком домой, в Оклахому. Сбросив скорость до минимальной, Стив снизился над фрегатом и включил фотопулемет. В этот момент замигала лампа радарного облучения. Видимо, это был вспомогательный радар системы ПВО, русские взяли наглый «F-16» на прицел. Грегори удовлетворенно хмыкнул, электроника его самолета записала параметры русской игрушки. Наземным специалистам будет чем заняться, пусть поломают себе головы, расшифровывая сигналы радаров.

Описав полный круг над кораблем, Стив вернулся на старый курс. Интересно, а куда идет русский? По идее, он должен кружиться вокруг транспортов, как овчарка вокруг стада овец. Или, может, у него авария, и он спешит в югославский порт для ремонта? Нет, непохоже, никаких видимых следов повреждений, и скорость держит. Еще в июне американцы несколько раз пытались остановить идущие в Югославию русские и испанские суда, но тщетно. Все попытки незамедлительно пресекались русским эскортом. Дело чуть не дошло до инцидента, когда 12 июня в 150 милях от порта Бар русский эсминец открыл огонь прямо по курсу фрегата «Хопкинс», пытавшегося подойти к транспортам для досмотра. Русские плевать хотели на международное эмбарго и открыто об этом заявляли. Сирийцы и испанцы, официально порицая правительство Югославии, тем не менее присоединились к русским.

Милошевич, конечно, плохой, убивает и всячески притесняет бедных албанцев, и правильно, честно говоря, делает, это еще те скоты, Грегори навидался их в Италии по гроб жизни. Сербы мутят воду на Балканах и не признают блага демократии и свободного рынка, но это их

проблемы. Бизнес есть бизнес. А эмбарго и блокада ущемляют интересы тех, кто торгует. Вот вам и «свобода торговли» под прикрытием эсминцев, как заказывали. На румынской границе еще веселее. Для Румынии присоединение к международной блокаде смерти подобно, таможенные пошлины, дорожные сборы, экспорт сельхозпродукции в Югославию давали постоянный приток валюты в тощий бюджет полунищей страны. Но дядя Сэм настойчиво требует присоединиться к эмбарго и обещает кредиты за послушание. Вот и приходится выкручиваться: с одной стороны, заявлять о своей поддержке международных санкций, а с другой – закрывать глаза на то, что творится на границе.

Доходит до смешного. Неделю назад Советский Союз под видом металлолома поставил в Югославию через Румынию восемь истребителей «МиГ-29». «Металлолом», по докладам наблюдателей, летел самостоятельно и с полным боекомплектом.

А еще через две недели произойдет визит Милошевича в Москву. СМИ из кожи вон лезут, обливая югославского лидера грязью: скоро для обывателя Милошевич будет выглядеть людоедом, хуже Гитлера и Саддама. Журналисты свое дело знают.

Стив по долгу службы интересовался ситуацией в Югославии. Если отбросить словесную шелуху и газетные штампы, дело было в следующем: в провинции Косово албанское население еще в 91-м году заявило о своем суверенитете. Белград отреагировал оперативно и жестко, в Косово введены дополнительные войска, арестованы наиболее крикливые лидеры албанцев. Народные волнения были подавлены в считанные дни. ОБСЕ и СБ ООН в те дни не обратили внимания на рядовую полицейскую операцию. Хватало проблем в Боснии. До недавнего времени ситуация в крае была под контролем. Но в марте этого года албанцы подняли восстание, правительственные войска при подавлении не стеснялись в средствах, тем более что по некоторым сообщениям из мятежного края повстанцы вырезали несколько сербских сел. Одновременно в прессе началась компания против режима Милошевича и политики официального Белграда. ОБСЕ официально обвинила Югославию в геноциде албанского населения и нарушении прав человека. После недолгого, но бурного обсуждения в Совете Европы против страны были введены санкции. В Штатах бушевал скандал с Моникой Левински. По мнению Стива, бабенка просто вздумала заработать на бывшем любовнике. Президент решил отвлечь избирателей от своих походов маленькой победоносной войной, поспешил предъявить Югославии ультиматум и приложил все усилия для обеспечения международного эмбарго.

Правда, тут коса нашла на камень. Русские воспользовались своим правом вето в ООН и выдвинули встречное обвинение Албании в поддержке террористов. Благо, методы Освободительной Армии Косово мало отличались от методов палестинских, баскских и курдских сепаратистов. А после того как в апреле 98-го года в Адриатике был задержан русский сухогруз, шедший в Югославию, русские организовали конвойную службу, официально – для «защиты от пиратства». У русских дипломатов оказалось хорошее чувство юмора. Но, в принципе, все верно. Действия американцев – это практически официальное пиратство. После этих мыслей Стив скосил глаз на радиопередатчик, не хватало еще высказаться вслух – тогда точно уволят из армии с «волчьим билетом». В итоге от эмбарго в первую очередь пострадали Италия и Германия, их товарооборот с Югославией упал до нуля. Косвенно эмбарго ударило по Хорватии, никто не поедет на курорт, если рядом может разразиться война.

Испания официально выступила против политики Милошевича, но не препятствовала своим предпринимателям вести дела с Югославией. Турция попыталась было воспрепятствовать советскому судоходству в проливах, но русские быстро объяснили туркам доступным языком, что так поступать нехорошо. По слухам, Москва пообещала поставить оружие курдским сепаратистам и чеченским беженцам. Анкара приняла информацию к сведению и больше препоны судоходству не чинила. В итоге два члена НАТО фактически поставили под сомнение саму идею блокады. По мнению Стива, в этой ситуации самым разумным было бы оставить все как есть. Советы все равно не допустят гибели своего последнего союзника в Европе. Но после

того как президент выступил с планом постепенного урегулирования Косовской проблемы с помощью международного сообщества, путей к отступлению не было. Америка уже не могла дать задний ход, это Стив тоже прекрасно понимал.

Солнце почти касалось макушек зеленых волн. Плывущий почти прямо по курсу рыболов отбрасывал на море огромную гротескную тень. Русский фрегат давно скрылся за горизонтом. В эфире наблюдалась обычная разногласица, прям не море, а базар в Риме. До конца дежурства оставалось еще 34 минуты. Таранто на связь не выходил, видимо, не считали нужным беспокоить. Стив Грегори уже и не надеялся встретить конвой до конца дежурства, невелика важность, премию за это не выписывают. Но когда он уже начал плавный поворот на обратный курс, на радаре вспыхнула целая россыпь отметок. Грегори еще раз пожалел о том, что в самолете нельзя курить. Послушный воле пилота истребитель плавно набрал высоту и вернулся на прежний курс.

– Замечен конвой, курс на 11 часов, скорость 10 узлов. Дистанция 60 миль. Иду на сближение.

– Сближайтесь до надежного визуального контакта, – немедленно отозвалось Таранто, – на дистанции 10–12 миль включайте всю спецаппаратуру.

– Вас понял, выполняю.

Вскоре на горизонте показался целый лес мачт и грузовых стрел. Поисковые радары русских кораблей были выключены, аппаратура «F-16» улавливала только излучение навигационных приборов. Стив по большой дуге облетел вокруг конвоя, затем пошел на сближение. Закатное солнце давало достаточно света для фото- и видеосъемки, впрочем, разведывательная аппаратура могла давать картинку и в полной темноте. На этот случай имелся инфракрасный прожектор. Конвой был большим: 34 сухогруза и 4 танкера, а ведь через проливы прошли только 22 транспорта и танкеры, значит, остальные присоединились уже в Средиземном море. В охранении три эсминца класса «Балком-2» и четыре типа «Кашин». Не так уж много, но в последнее время наши прекратили попытки досматривать русские суда. Несмотря на это, русские не отказались от эскортирования, дабы не давать американцам повода для активных действий. Стив знал, что южнее должна крутиться русская эскадра: тяжелый ударный крейсер «Слава», его младший брат класса «Кинда» и целая дюжина эсминцев и фрегатов. Кроме того, у русских в Средиземном море было пять дизельных субмарин – пять «черных дыр», почти не засекаемых гидроакустикой. А в районе Мальты крейсировал вертолетоносец «Новороссийск» с соответствующим эскортом. Силы достаточные для того, чтобы чувствовать себя уверенно на этом театре.

– Самолет с опознавательными знаками США, включите габаритные огни! – незнакомый голос в эфире говорил медленно, чувствовалось, что человеку трудно разговаривать по-английски. – Вы нарушаете международные правила безопасности воздушного движения.

– О'кей! – еле сдерживая смех, ответил Стив. – Я только рассмотрю ваш груз.

– Повторяю, включите габаритные огни, нам сложно прицеливаться, – русский оказался с юмором. Стив пожал плечами, щелкнул тумблером, включая огни. Нам не жалко, пусть, если просят. Тем более что командование в своей последней директиве «для служебного пользования» рекомендовало зря не провоцировать русских.

– Простите, вы не подскажете мои координаты, я заблудился, – поинтересовался Стив после минутного молчания.

– Всегда пожалуйста, 370 43 южной широты, 1420 15 восточной долготы – судя по этим координатам, Стив Грегори находился над Австралией. Старая добрая шутка.

– «Команч», немедленно прекратите посторонние разговоры, вас слышно на всю Европу, – вмешался Таранто. Голос дежурного офицера от негодования даже избавился от хрипоты.

– Вас понял, прекращаю посторонние разговоры.

Внизу, на палубе крайнего в строю сухогруза отчетливо выделялись очертания укрытых брезентом угловатых, похожих на танки машин. Даже на таком расстоянии глаз угадывал вынесенные по сторонам широких башен короба ракетных направляющих. Видимо, это были самоходные зенитки. Палуба следующего в кильватере древнего транспорта класса «Либерти» под испанским флагом была заставлена пакетами труб большого диаметра. Когда Стив сблизился с судном, с мостика приветственно помахали рукой в сторону самолета. Союзнички вонючие, даже флаг не скрывают. Пытаясь получше рассмотреть груз русского судна, Грегори прошел прямо над конвойным эсминцем. Русские промолчали, видимо, не желали подставлять летчика под гнев начальства, только сферическая башня скорострельного автомата мягко повернулась, провожая нахальный «F-16» коротким толстым стволом.

Стив выполнил всю полетную программу, засняв конвой и отдельные суда во всех возможных ракурсах, аппаратура на внешней подвеске замерила радиационные, магнитные, гравитационные поля и еще черт знает сколько параметров. Вскоре его сменил Джоб Джерри. Качнув крыльями, приветствуя сменщика, Стив ушел в сторону Италии, солнце уже село за горизонт, а топлива оставалось только до аэродрома.

Едва истребитель, скрипнув напоследок тормозами, застыл на летном поле, как к нему со всех ног бросились техники. Стив не успел выбраться из кабины и закурить, а самолет уже утаскивали в ангар. Перед Стивом стоял запыхавшийся адъютант из штаба с требованием срочно явиться к командиру полка. Стив недоуменно покосился на молодого офицера и, глубоко затянувшись, огляделся по сторонам. Что за спешка? На летном поле сновали машины технических служб. Дежурное звено истребителей, замерев у края взлетной полосы, прогревало двигатели. Явно что-то произошло. Обычно техники выбирались к самолетам, только доиграв очередную партию в карты или после грозного начальственного рыка. А сегодня словно с цепи сорвались. Напрашивался вывод, что прибыло высокое начальство и дало всем хороший втык. И это начальство сильно интересуется результатами сегодняшнего полета.

Докурив сигарету, Стив милостиво кивнул приплясывавшему от нетерпения адъютанту. И только потом двинулся к стоявшему неподалеку джипу. Предчувствия оправдались на все сто процентов. В кабинете полковника, кроме самого командира авиакрыла, скромно располагавшегося у окна, находились двухзвездный генерал с длинным извилистым шрамом на левой щеке, моряк командер и штатский, высокий, широкоплечий и абсолютно лысый мужчина лет сорока с массивным волевым подбородком, словно у Шварценеггера.

– Здравствуйте, капитан Грегори, – генерал без церемоний протянул ладонь вошедшему Стиву, демонстрируя при этом доброжелательную белозубую улыбку, общее впечатление портило только шрам, – рад с вами познакомиться. Мне много рассказывали о вашей работе в Польше.

Стив украдкой бросил вопросительный взгляд на полковника, но тот только успокоительно кивнул в ответ: мол, ничего серьезного, ситуация под контролем.

– Ничего особенного, я выполнял свою работу.

– Я читал ваши отчеты, они отражают отличное знание обстановки и способность к грамотному анализу, – заметил штатский – хороший образец работы.

– Насколько я знаю, командование прохладно отнеслось к моей работе, мистер..?

– О, простите, я не представился, доктор политологии Джордж Бенг, сотрудничаю с «РЭНД-корпорейшн». Советолог.

– Очень рад с вами познакомиться, мистер Бенг. – Стив чуть приподнял брови. «РЭНД-корпорейшн» была известна не только своими астрономическими гонорарами, но и потрясающей точностью прогнозов и добросовестным подходом к любым порученным исследованиям. Считалось, что участие «РЭНД-корпорейшн» в проекте уже гарантирует половину успеха. Сотрудничать с ней стремились многие, но далеко не все удостоивались такой чести. Уже одно это многое говорило о мистере Джордже Бенге.

– Меллори Шеридан, – тихо произнес моряк, протягивая руку для пожатия. – Капитан Грегори, я понимаю, после того инцидента под Данцигом вас незаслуженно понизили и отправили в рядовое авиакрыло, но все это в прошлом.

В ответ Стив криво усмехнулся. После того как его самолет в тумане столкнулся с русским истребителем над Гданьским заливом, во избежание скандала политики из Вашингтона поспешили замять дело и свалить всю вину на летчика. В тот злосчастный полет он ушел по настоятельной просьбе одной задницы с большими звездами на погонах. Тогда на трибунале никто и не вспомнил о его заслугах перед Штатами. Особенно обидно было оттого, что русский пилот, это Стив узнал уже задним числом, не только не получил никакого взыскания, но его даже наградили медалью «За Отвагу».

– Сейчас генерал-майор Чейз собирает экспертную группу по работе над Югославией, – продолжил моряк.

– Но я работал в Восточной Европе, я слабо знаком с местной спецификой.

– Не прибедняйтесь, капитан, – прервал его генерал. – Вы показали себя хорошим аналитиком и знаете русских. Ваш отчет о возможном изменении базирования русской тяжелой авиации произвел ошеломляющее впечатление на наших штабистов.

– Да, да, – добавил Бенг, – даже наши исследователи не могли представить, что, потеряв аэродромы в Восточной Европе, русские перебазируют свои бомбардировщики не в Прибалтику и Крым, а под Москву и Харьков.

– Но это же элементарно! Они вынуждены, перейдя к обороне, держать свои силы в постоянной готовности к переброске в любой район страны. А делать это лучше с аэродромов с развитой инфраструктурой и в то же время недосыгаемых для нас.

– Для нас это было не столь очевидно, – улыбнулся Шеридан. – Мы думали, что они будут держать свои «Ту-22М» в Балтии и в Крыму.

– Как я понимаю, в задачу группы входит отслеживание ситуации на Балканах и в СССР?

– Да, русские сделали сильный ход, открыто поддержав Милошевича, – генерал нервно провел рукой по щеке и подбородку. – Сейчас вся западная демократия, все с таким трудом доставшиеся нам позиции в Восточной Европе находятся под угрозой. Наша великая страна не может терпеть нарушения прав албанского населения на Балканах.

«Значит, война», – с грустью подумал Стив, вполуха слушая разглагольствования генерал-майора Чейза. Совсем некстати вспомнились увиденные сегодня зенитки на палубах конвоя.

«И опять мы лезем защищать демократию и права человека там, где о них и не слышали. И где они никому не нужны». Во время этого разговора полковник не произнес ни слова. Конечно, жаль отдавать хорошего офицера, он уже метил Стива Грегори в свои заместители, но приказ есть приказ. Приходится подчиняться. Взамен Грегори в авиакрыло обещали прислать человека с не меньшим, чем у Стива, опытом, это немного согрело душу. Командир понимал, что скоро будет жарко. Так что, если ничего не изменить, пусть лучше поскорее приезжает новичок и как можно быстрее осваивается в части. Полковник Хантер не желал терять людей и машины из-за такой мелочи, как неслетанность звеньев.

Уже через два часа после разговора на авиабазе Таранто транспортный «Геркулес» уносил в свое чрево Грегори, Бенга и Шеридана. Меллори Шеридан уснул сразу же после взлета. Джордж Бенг попытался было разговорить Стива, но тот, сославшись на усталость, откинул спинку кресла и закрыл глаза. До Лэнгли много часов полета, еще успеем наговориться. Стив не был наивным человеком. Если командование вспомнило о проштрафившемся летчике, значит, кто-то крупно прокололся. Или Пентагон готовит очередные учения в «условиях приближенных к боевым», и каждый специалист по Советам на счету. А Грегори справедливо считался хорошим специалистом. Сразу после летного училища он попал в разведку, работал в Европе,

пару раз бывал на Ближнем Востоке. Даже участвовал в миротворческой миссии в Боснии. За все пять лет службы Грегори активно интересовался техникой и армейской структурой противника, внимательно изучал все попадавшие ему материалы по русской армии. Один раз даже летал на «МиГ-29», доставшемся Германии после возвращения Восточных земель.

Его докладные записки всегда были краткими, обоснованными и грамотно составленными. Только голые факты и беспристрастный анализ. В Польше он возглавлял сектор армейской разведки. На основании данных по расположению русских дивизионов ПВО и станций радиолокационного обнаружения он сумел сделать вывод о том, что реальные характеристики русского зенитного комплекса «С-300», по крайней мере, на 25 % выше, чем то, что они предлагают на экспорт.

Если бы не тот злосчастный вылет, Грегори был бы уже подполковником. Но судьба распорядилась иначе. В принципе, с тех пор прошло больше года, командование могло забыть о давнем проколе. Но, возможно, помог кто-то из старых друзей. Стив твердо решил сразу же по прилете позвонить Майклу Полянски. Майкл, благодаря своему папаше сенатору, был какой-то шишкой в Пентагоне. Во время последней встречи, это было полгода назад в Бельгии, Майкл пообещал помочь Стиву вернуться в разведку. Скорее всего, Майкл был причастен к неожиданному назначению в группу по Югославии. Во всяком случае, встретиться и посидеть в баре было нелишним.

7

Плесецк. 1998 г

Рабочий день только начинался. Огромный кабинет на 12-м этаже здания Совета Министров поражал своим великолепием и нестандартным оформлением. Больше всего этот зал походил на декорацию из художественного фильма о будущем. Сверкающие металлопластиком стены и потолок, плазменные панели на стенах, серебристые «под сталь» жалюзи на окнах. Мебель без углов по эскизам модных дизайнеров, широкий эллипс стола светлого пластика, увенчанный монитором компьютера и строгими пластиковыми стойками с документами. Из общего дизайна выбивались только занимавшие половину стены книжные полки, заставленные неряшливыми рядами зачитанных томов. Кабинету больше соответствовала бы стойка с CD-дисками. Картину дополнял герб за спиной хозяина кабинета.

Павел Николаевич Шумилов с тяжелым вздохом окинул великолепие своего кабинета и опустил в кресло. Громоздившийся на столе Монблан бумаг навевал тоску. И пусть Совет Министров и подчиненные министерства и ведомства замкнуты в единое целое компьютерной сетью, пусть легким касанием клавиатуры можно вывести на настенный экран последнюю сводку событий с мест или организовать видео-селектор с председателями областных советов, все равно, основную часть работы составляет приевшаяся и никакими чудесами техники не заменяемая бумажная канитель. Десятки докладных записок, отчетов, актов, проектов документов лежали перед Председателем Совета Министров, ожидая его высочайшего решения. Еще сотни обрабатывались сотрудниками Совета Министров и помощниками Шумилова. Половина бумаг шла с пометками: «Срочно!» или «Чрезвычайно важно», за каждой стояли люди, заводы, фабрики, сельхозкооперативы, города.

Павел Николаевич вытянул из кипы первый попавшийся документ и принялся читать. Это оказался проект инвестирования и реконструкции Тюменского нефтяного месторождения. Безвестный инженер Тюменского нефтяного концерна Д.С. Бурков на восьми страницах грамотно обсчитал и доказал необходимость полного преобразования нефтегазовой компании в химический комплекс. Себестоимость добычи с каждым годом растет, месторождение иссякает, еще 10 лет и придется забрасывать всю созданную за долгие годы инфраструктуру. А там стоят города, живут люди. Планировалось постепенно снижать добычу, а через шесть лет полностью прекратить продажу сырой нефти и переключиться на продукты нефтепереработки. Руководство концерна было согласно с преобразованием и всеми силами поддерживало проект, в Нефтьюганске уже велось силами концерна строительство нефтеперерабатывающего завода, а в Сургуте была разбита площадка под комплекс глубокой переработки углеводородов. Все дело в том, что прибыли концерна не хватало на весь комплекс работ, требовалась помощь Центра. В приложении к проекту специалисты Миннефтегазпрома обсчитали стоимость проекта в 29 миллиардов рублей на четыре года, из которых 18 лягут на плечи самого Тюменского нефтяного концерна, а на 11 можно дать налоговые послабления. Шумилов старательно вывел на титульном листе: «В Минфин, решить срочно. Об исполнении доложить!».

Настроение незаметно поднималось. Каждый день бы так! Нефтегазовый добывающий комплекс был головной болью Шумилова. Экспорт сырья составлял почти 20 % валютных поступлений страны и 16 % бюджета. Все умные люди понимали, что дальше так жить нельзя, но поделать ничего не могли. Нельзя одним росчерком пера уничтожить целый добывающий комплекс. Нельзя одним словом заткнуть финансовую дыру в десятки миллиардов. Нельзя оставить без работы сотни тысяч человек, занятых в добывающей промышленности. Верховный ежегодно сокращал экспортные квоты, Совет Министров душил нефтяников налогами, Шумилов лично курировал конверсию отрасли, но отучить людей от нефтяной халявы было

непросто. Прибыль в 300–400 % завораживала. Но жесткие меры постепенно давали результат. За последнюю пятилетку в 20 раз сократился экспорт древесины. Полностью прикрылась внешняя торговля алмазами и железной рудой. Постепенно закручивалась задвижка на нефтяной трубе. Правда, вырос экспорт природного газа, но это было не страшно, газа стране хватало на 50 лет по самым скромным оценкам.

Работа спорилась. Постепенно куча бумаг перед Шумиловым таяла, пару раз звонил телефон, но по пустяковым вопросам, не требующим времени для своего решения. Павел Николаевич с воодушевлением вчитывался в документы, звонил помощникам, требуя прояснить спорные моменты, один раз пришлось выйти в Интернет. Секретарь всеми силами оберегал покой советского премьера, пропуская только звонки, требующие немедленного решения. Сегодня до обеда надо было разгрести накопившиеся дела, а затем придется лететь в Плесецк. Товарищи из НПО «Молния» довели до ума свою аэрокосмическую систему МАКС и завтра с утра клятвенно обещали показать ее в действии. Ради такого можно было слетать на космодром, посмотреть на новое чудо техники, по заверениям разработчиков способное монополизировать весь мировой рынок космических запусков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.